

ВРЕМЯ ОТКРЫТИЙ

70-летию Великой Победы
посвящается!

Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
2015, апрель

Вглядитесь в эти лица: они спасли полмира от фашизма

Всё меньше остаётся их,
Седых защитников народа,
Что приближали счастья миг,
К Победе шли четыре года...

«Поклонимся всем павшим...». В День Победы у стелы «Новгород - город воинской славы» ректор НовГУ В.Р. Вебер (в центре) и универсанты.

Практически всё старшее поколение нашего университета относится к тем людям, для кого Великая Отечественная война не история, но страница личной жизни. Ведь у каждого, рождённого после войны, родные если не воевали на фронте, то были в партизанах, работали на Победу в тылу, восстанавливали страну и родной Новгород...

Так что патриотизм у старшего поколения не приходилось воспитывать – это делала сама жизнь.

Вот что об этом говорит ректор университета Виктор Робертович Вебер:

«Я родился спустя девять лет с окончания войны - тогда казалось, что с мая 1945 года прошло уже много времени. Это сейчас понятно, что мало.

Рос в селе Кокпекты Семипалатинской области Казахской ССР. Семья была простой, родители с утра до ночи трудились. Отец, Роберт Иванович, - рабочий дорожно-эксплуатационного участка, мама, Мария Яковлевна, - санитарка в родильном доме. Отец - из семьи репрессиро-

ванных поволжских немцев, которых ещё в начале войны депортировали в Казахстан. Он по возрасту не воевал, но четырнадцатилетним мальчишкой в 1941 году уже пошёл строить дороги.

И, несмотря на «неправильную» тогда национальность, получил медаль «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», знак «Почётный дорожник СССР».

Хочу сразу сказать, что тогда был интернационал хороший. Я-то вырос в семье немцев. И не скажу, что было какое-то враждебное отношение к нам, наоборот, была поддержка.

Как мне рассказывает мама, как вспоминала бабушка, в 1941-42 годы перевозили с Украины, Кавказа, Поволжья в Казахстан «русских» немцев очень быстро, люди подчас не успевали взять зимние вещи и запас продуктов – ничего! Тогда очень много людей умерло с голоду. Выжили те, кого приютили местные жители, часто это были казахи! Так что в войну досталось всем...

Живя в Казахстане, я получил осно-

В начале 2015 года к празднику 9 Мая на портале нашего университета (<http://www.novsu.ru/70let>) появился проект «70 лет Великой Победы».

Его открывают слова ректора НовГУ В.Р. Вебера:

«Великая Отечественная война стала колоссальной трагедией для жителей нашей страны, принесла бесчисленные страдания миллионам людей, небывалые в истории человеческие потери.

Победа советского народа в самой жестокой войне с фашистскими агрессорами стала возможной благодаря массовому патриотизму, самоотверженности огромного количества людей разных национальностей. Всех их объединяло ощущение принадлежности к великой стране, общей Родине.

Приближается 70-летний юбилей Великой Победы советского народа. В это время мы традиционно чтим память всех, кто не вернулся с фронта, тех, кто, увы, не дожил до сегодняшнего дня, чествуем живущих рядом ветеранов

Эта новая страница на интернет-портале Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого в очередной раз становится проявлением памяти потомков, величайшей гордости и благодарности всем тем, кто завоевал свободу и защитил наше Отечество!».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Давно ушла от нас война.....	3-4
Д.Асташкин. Наука войны.....	5
К.Самойлов. Клад военного времени из Старой Руссы.....	6-8
О.Слабада. Долина памяти, долина героев.....	9-11
В.Рукавичникова. Автограф старого солдата.....	12
Д.Перевай. «Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой...».....	13-15

И.Симонов. Фронтовая медсестра.....	16-18
В.Глухова. Больничный городок в Колмове: жизни и судьбы.....	19-22
О.Слабада. Война - постоянный ужас.....	23-25
В.Кошелев. «Мать - Новгородская София...».....	26-27
Т.Игошева. «Мой Новгород!».....	28
Д.Перевай. А сегодня 2-я Ударная Армия победила.....	29-31
С.Белканова. Сохранить память.....	32

Полную версию журнала «Время открытий» читайте в Интернете: на главном сервере НовГУ <http://www.novsu.ru> в разделе «Пресса»

Учредитель и издатель - Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого «Время открытий» Научно-популярный журнал

12+

Спецвыпуск газеты «Новгородский университет» Главный редактор Людмила СИМОНОВА ПИШИТЕ, ЗАХОДИТЕ: Великий Новгород, ул. Саши Устинова, 1, комн. 6508, 6509, 6510 Тел. ред.: 777-556, вн. тел.: 2-97 Тираж - 700 E-mail: univerv_sv@mail.ru

№ 14-15 (1036-1037) подписан в печать в 14.00 10.04.2015г. Отпечатано: ООО «Печатный двор «Великий Новгород», Воскресенский бульвар, 4 Компьютерная верстка: Л.Береснева Фото: архив НовГУ и редакции, А.Двойнишников

вательно патриотическое воспитание, оно заложено на всю жизнь. Тогда у меня сформировался свой стержень, сложился свой стереотип понимания войны. Поэтому то, что порой пытаются сейчас говорить о Великой Отечественной войне, для меня нонсенс.

И потом - я вырос с товарищами, друзьями, у которых отцы воевали, я видел эти награды, фронтовики рассказывали о войне, о том, как воевали, как в разведку ходили.

Отец моего друга, с которым я рос с шести лет, с которым мы вместе окончили школу, вначале прошёл лагеря, поскольку был оговорен соседом. Потом его отправили в штрафбат, чтобы он своей кровью искупил «вину». Фронтовик рассказывал, как в разведку ходил, как «языков» брал и на себе тащил, а после этого его перевели в обычную часть. Когда закончилась война, у него было много орденов и медалей. Мы ими играли - он позволял нам это.

Естественно, все наши детские игры были посвящены войне. Сами оружие изготавливали и постоянно воевали. Иногда в детской драке звучало: «Ах ты, фашист!». За что драка возобновлялась с новой силой. Но на второй день опять была дружба, и всё было понятно.

Тогда вопросов у нас никаких не было: были одни враги - фашисты, была одна страна - Советский Союз. Это уже потом, намного позже, стали выплывать подробности про отдельные народы. А для нас это был один советский народ.

Ещё хочу сказать, что восприятие войны было не только по жизни, но и по фильмам, по книгам: мы выросли на

кино и произведениях про войну - вот такое было переплетение. Мною была прочитана практически вся библиотека.

Трудное время настало с распадом Советского Союза. Появились неоднозначные публикации, в которых события войны трактовал каждый на свой лад. Люди жили тяжело во время 90-х годов. Может, тогда патриотическому воспитанию уделяли меньше внимания в школах, в вузах, поскольку стояли вопросы выживания. Но о том, что это поколение пропало совсем, нельзя сказать. Очень многое, если не всё, зависело от семьи, в которой рос человек.

А сейчас мне нравится наша молодёжь. Она патриотически настроена очень хорошо. Я не скажу, что здесь в основном наши заслуги. Они есть. Но главное - они растут в здоровых нормальных семьях. К сожалению, маловато читают и не очень смотрят фильмы на военную тему. Но судя по нашим студентам, которые ходят на встречи с ветеранами, сами активно пишут стихи и песни, поддерживают ветеранов, записывают их воспоминания - мы уже 8 книг издали таких воспоминаний, - я вижу, что ребята это делают искренне и с большой теплотой.

Для более молодого поколения Великая Отечественная война - уже история. Но примечательно, что события того героического времени всё больше интересуют молодёжь, особенно в последние десятилетия. Недаром студенты нашего университета не один год принимают самое активное участие в увековечении памяти о поколении, прошедшем войну.

Важно, когда молодёжь сама прикасается к истории. Достаточно оказаться

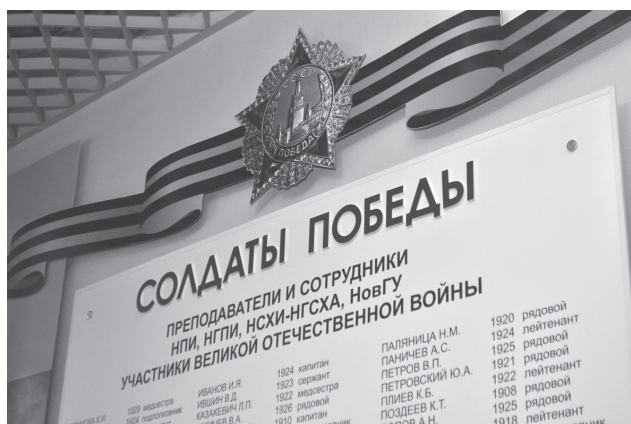
на братском захоронении, просто побывать там, и много говорить не надо. Как пример приведу захоронение в Самбатово (на фото справа). Наши стройотрядовцы решили взять над ним шефство. В том районе ещё много незахороненных бойцов. Те студенты, что ездили в Самбатово, помогли восстановить это братское захоронение. Могу сказать, что теперь они - совершенно другие люди!

Порой мы сетуем, что тяжело стало жить, но если сравнить с тем далёким временем, то страна стала жить намного лучше. Я по маме своей смотрю - она периодически говорит «Господи, я хоть увидела жизнь!». Их поколение пережило войну, в послевоенные годы всё время были голод, разруха...

Наш университет поддерживает ветеранов. Грустно, что их немного осталось. Мы с ними постоянно встречаемся, приглашаем на все мероприятия. И рады, когда они приходят. Хотя в силу возраста и здоровья они не всегда могут сделать.

От меня пожелание ветеранам - как можно дольше пожить и порадоваться внукам, правнукам. Им для этого, конечно, нужно здоровье, по крайней мере, надо сохранить его, поддерживать то, что есть.

И конечно, хотелось бы стабильности, чтобы жить в спокойной стране. Стабильность нужна старшему поколению, чтобы жить спокойно, а молодому - чтобы учиться и знать, что они живут в процветающей стране.

Руководитель проекта «70 лет Великой Победы» кандидат исторических наук, доцент НовГУ Е.С. Быстров:

«В 2013 году в День Победы в здании Политехнического института НовГУ был открыт мемориальный комплекс «Солдаты Победы» (фото слева). На нём указаны имена и воинские звания 139 участников Великой Отечественной войны - преподавателей и сотрудников НГУИ, НГПИ, НГИ, НГСХА и НовГУ, которые защищали нашу страну, приближая День Победы. 138 из них вернулись с полей сражений домой.

Накануне 70-летия Великой Победы мы продолжили изучение боевого пути наших фронтовиков и по найденным наградным листам вместе с участниками сражений прошли дорогами Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, узнали о героических подвигах тех, кто работал в новгородских вузах.

В ходе поиска были открыты многие неизвестные страницы из жизни наших коллег. Результаты нашей работы мы

размещаем на сайте университета, чтобы в преддверии празднования Великой Победы об их мужестве, отваге, героизме и подвигах узнали как можно больше и те, кто знал лично фронтовиков университета, а также молодёжь, обучающаяся в НовГУ».

Не только в электронном, но и в печатном виде сохраняется память о свидетелях и участниках Великой Отечественной войны.

В Политехническом институте НовГУ уже много лет председатель Совета по воспитательной работе и молодёжной политике политехнического института А.Ф. Булгакова организует встречи студентов с ветеранами Великой Отечественной войны, малолетними узниками и работниками тыла.

Под её руководством студенты, преподаватели и сотрудники Политехнического института записывали рассказы ветеранов, которые затем превратились в главы книг, изданных по этим воспо-

минаниям. Сама Алла Филипповна и была их составителем. Первый такой сборник вышел в свет в год 65-летия Победы, сейчас их уже 6. А.Ф. Булгакова - член Новгородского регионального отделения РВИО. На отдельной странице проекта «70 лет Великой Победы» представлены 23 материала, подготовленные и размещённые ею на сайте Российского военно-исторического общества.

В НовГУ с 2008 года регулярно к 30 июня (День рождения НовГУ) и к 7 декабря (Ярославов день) издаются литературные сборники.

Авторами их являются студенты, преподаватели, сотрудники, выпускники, участники литературного клуба НовГУ. Немало их посвящены Великой Отечественной войне.

В этом году Литературный клуб НовГУ готовит сборник стихов, рассказов, очерков и воспоминаний, посвященный 70-летию Великой Победы.

Все дальше от нас годы войны. Вступили в сознательную жизнь поколения, родившиеся уже после Победы. Что такое Сталинград, оккупация Новгорода или блокада Ленинграда они знают только из военных фильмов и книг. И всё меньше остается людей, которые, как участники и очевидцы великой битвы, могли бы авторитетно сказать: «Это было так!». Защитники нашей Родины навечно кровью вписали свои имена в героическую летопись Великой Отечественной войны. Самым молодым из них сегодня под 90, и с ними, к горькому сожалению, уходит целая эпоха... И надо спешить услышать, узнать из первоисточника про те, уже далёкие, события... На учёте в Совете ветеранов НовГУ с каждым годом остаётся всё меньше непосредственных участников тех далёких героических событий. Назовём их поименно.

ДАВНО УШЛА ВОЙНА

Фронтовики Великой Отечественной войны

Клавдия Ивановна Абрамова родилась в 1929 году в Смоленской области. Когда началась война, ей было 12 лет. Деревня, в которой она жила с матерью и сестрами, находилась в 180 километрах от Москвы и была занята фашистами уже осенью 1941 года. После поражения под Москвой фашисты стали угонять мирное население в Германию. Эта трагедия коснулась и семьи Клавдии Ивановны. Этапами их тяжкого пути были Гжатск, Белоруссия, Восточная Пруссия. Под Кенигсбергом семью определили на работу к немецкому фермеру. Приходилось работать на кухне, стирать, убирать, полоть огород.

Наконец наступил февраль 1945 года, начались бои на территории Германии. В ходе Кенигсбергской операции в марте семья получила долгожданную свободу. С матерью и сестрами Клавдия осталась в Германии. Работали в передвижном советском госпитале, выполняли работу по кухне, стирали.

После окончания войны Клавдия Ивановна была направлена на службу на Дальний Восток. Ей довелось

стать участницей Маньчжурской стратегической наступательной операции, в результате которой была разгромлена миллионная Квантунская армия и освобождены Маньчжурия и Северная Корея. В 1946 году часть, в которой служила Клавдия Ивановна, была расформирована, она вернулась в Родину. Окончила школу рабочей молодёжи, получила экономическое образование. На постоянное место жительства семья Абрамовых приехала в Новгород.

В 80-е годы К.И. Абрамова работала экономистом в ПФО Новгородского политехнического института.

В 1985 году Клавдия Ивановна была признана ветераном Великой Отечественной войны.

В настоящее время К.И. Абрамова на заслуженном отдыхе.

Иван Герасимович Зимин родился в 1927 году в крестьянской семье в деревне Лотниково Читинской области. С началом Великой Отечественной войны ушёл на фронт отец. В семье было шестеро детей. Самому старшему Ивану - четырнадцать. Как и

многим подросткам той поры, ему пришлось работать.

Не достигнув призывного возраста, Иван Зимин в 1944 году пришел направлением в военкомат, и был отправлен на Забайкальский фронт, под Читу. Служил в Двенадцатой воздушной армии, основная задача которой заключалась в охране дальневосточных воздушных рубежей СССР и подготовке лётных кадров для действующей армии. Окончил школу младших авиационных специалистов по специальности «Вооружение бомбардировочной авиации» (самолётов ИЛ-4).

После окончания войны с гитлеровской Германией летом 1945 года Япония привела в боевую готовность свою миллионную Квантунскую армию, планируя захват Даль-

него Востока и Сибири. В ночь на 9-е августа 1945 г. начались боевые действия между СССР и Японией. В составе бомбардировочной дивизии, которая была призвана поддерживать наступление Забайкальского фронта на Солуньском и Хайларском направлениях, И.Г. Зимин участвовал в Хингано-Мукденской операции.

Летчики дивизии наносили бомбовые удары по аэродромам противника и железнодорожным узлам, доставляли горючее и грузы для 6-й гвардейской танковой армии, которая действовала в отрыве от основных сил фронта.

После успешного завершения военных действий И.Г. Зимин продолжал служить на Дальнем Востоке, потом был переведён в Новгородскую область. 12 лет служил в Кречевицах старшим авиационным механиком самолётов АН-12. После увольнения из армии Иван Герасимович работал в Новгородском политехническом институте на кафедре физики.

За боевые заслуги и безупречную службу в послевоенные годы И.Г. Зимин награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», «За безупречную службу».

В настоящее время на пенсии. Возглавляет городской Совет ветеранов-фронтовиков дальневосточников, принимавших участие в разгроме Японии.

ВETERАНЫ ТРУДОВОГО ФРОНТА

Людмила Ивановна Кулепётова
Антонина Васильевна Клевцова
Екатерина Николаевна Балацкая

БЫЛ ПАРТИЗАНОМ

Михаил Григорьевич Букштанович

УЧАСТНИКИ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Агнесса Георгиевна Любимова
Валентина Алексеевна Лашкова
Антонина Васильевна Осокина

МАЛОЛЕТНИЕ УЗНИКИ

Станислав Иванович Лаврентьев
Мария Ивановна Ушакова
Тамара Петровна Масленникова
Виктор Егорович Кудрявцев
Александр Михайлович Бобков
Александр Васильевич Прокофьев
Галина Александровна Алексеева
Геннадий Николаевич Вязенен
Александр Николаевич Павлов
Мария Николаевна Гусак

ФРОНТОВИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Александр Мефодьевич Кузьмин родился в посёлке Годыши Калининской области в 1925 году. В первые месяцы войны вместе с односельчанами участвовал в строительстве оборонительных сооружений на территории современной Новгородской области: рыли противотанковые рвы в районе деревень Полново-Филиппова гора.

Шестнадцатилетним подростком работал на лесозаводе подсобным рабочим, на сплаве лесоматериалов по реке Шлино, зимой - на очистке дорог от снежных заносов, чтобы без перебоя на автомашинах можно было доставлять боеприпасы на фронт под Новгород, Демянск, Старую Руссу.

В здании поселковой школы был устроен госпиталь. Туда с фронта поступали раненые. Вместе со сверстниками Александр помогал медперсоналу, который состоял в основном из женщин, транспортировать раненых, ухаживать за ними. Из этих же ребят допризывного возраста в посёлке была организована «истребительная» группа. Она должна была помогать местным властям в охране железнодорожного моста, вокзала, госпиталя и других объектов прифронтовой полосы.

Всё это требовало от ребят навыков владения боевым оружием. Поэтому ещё до призыва в армию мно-

гие из них уже хорошо знали устройство боевой винтовки, ручного пулемёта.

В 1943 году А. Кузьмина призвали на действительную службу. Служил он в Забайкальском военном округе ручным пулемётчиком 1043-го стрелкового полка, 284-й стрелковой дивизии 17-й Армии.

В 1945 году Александр Мефодьевич принимал участие в освобождении Китайской народной республики от милитаристской Японии. Участвовал в Хингано-Мукденской операции, основной задачей которой было уничтожение японских войск в западной части Маньчжурии. Во время выполнения этой операции Семнадцатой армии пришлось совершить трехсоткилометровый марш-бросок по пустыне Гоби.

После войны А.М. Кузьмин продолжал службу в 23-м отдельном инженерно-аэродромном батальоне 12-й Воздушной армии. После демобилизации А.М. Кузьмин с 1950 по 1952 год учился на физико-математическом факультете Вышневолоцкого учительского института, в 1955 году закончил физмат Калининского пединститута и с этого года работал ассистентом, старшим преподавателем физико-математического факультета Новгородского государственного педагогического института, позже

был заведующим подготовительным отделением НГПИ.

За участие в боях против японских милитаристов А.М. Кузьмин был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Японией», многочисленными юбилейными медалями, медалью Монгольской Народной республики «30 лет Победы над милитаристской Японией».

В настоящее время ветеран Великой Отечественной войны на пенсии.

Из книги «Юность, опалённая войной: Сб. арх. материалов и воспоминаний о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. / Сост.: Л.А. Вавилова, Е.В. Откидач, Т.Л. Верхорунова. - 2-е изд., доп. и испр.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. - Великий Новгород, 2010. - 207 с.

**«5 февраля 1944 г.
Новгород - опять
развалины.
Посмотришь,
так сердце болит.
Не уйти немцам
от расплаты».**

*Фотографии из
семейного архива
редактора
ИПЦ НовГУ
Л.В. Ванюшиной*

**Отец
Л.В. Ванюшиной
лётчик-истребитель
Василий
Николаевич
Никольский,
участник
Великой
Отечественной
войны.**

НАУКА ВОЙНЫ

- Борис Николаевич, что значит Великая Отечественная война лично для Вас?

- Для меня война «началась» с первого хождения в баню в возрасте 5-ти лет: там я увидел, что нога моего деда как будто состоит из кубиков, она вся покрыта шрамами и в ней осколки чего-то страшного.

А ещё - это дедовские медали, которые я любил перебирать. Я искренне верил, что орден Красной Звезды наполнен кровью из ран. А моя бабушка в 1941 году во время первой бомбардировки впала в страшный ступор и пятилетняя дочь (моя мама) её за руку вводила в лес с дороги, заставленной телегами эвакуировавшихся новгородцев.

История войны — это история моей семьи. Поэтому я связал с ней мои курсовые работы, диплом, две мои диссертации и достаточно большое количество книг.

В данный момент я занимаюсь изучением союзников вермахта на Северо-западе России («Голубая дивизия»), а также веду научный грантовый проект, поддержанный РГНФ: «Комплексное описание нацистской оккупации Новгородчины в 1941-1944 гг.».

- О чём этот проект?

- Мы системно изучаем все аспекты оккупации территории Новгородской области вместе с моим коллегой - доцентом НовГУ Дмитрием Юрьевичем Асташкиным. Нам кажется, что многие люди до сих пор пользуются штампами, сформированными в 60-70-х годах прошлого века - менее с научной, более - с пропагандистской точки зрения. Для того, чтобы исправить это положение, помочь сформировать точку зрения с научной стороны предполагается подготовка научной книги.

С другой стороны — в СМИ мы публикуем научно-популярные материалы, чтобы привлечь внимание к теме.

Ведь сейчас так громко, так красочно готовится 70-летие Победы.

А что будет дальше, когда праздничные шарики сдуются, и появятся будничные заботы? Останется наука, наши статьи и книги. Это будет спорным как для читателя, так и для исследователя.

- Как формируется историческая память о войне?

- Историческая память во многом искусственно создается. Я несколько недель назад вёл «круглый стол» по Второй Мировой войне, который проходил в генеральном консульстве Республики Польша в Санкт-Петербурге.

Я рассказывал про своего деда, тяжело раненого при освобождении Польши 16 января 1945 года, и думал, что представитель Института национальной памяти (Польша) займёт несколько русофобскую позицию. Но нет, он рассказывал про свою

маму 1925 года рождения, радостно принимавшую советских солдат, кормившую их. А потом он добавил следующее: в ходе одной недавней конференции реконструкторы бродили по польскому городу в советской и нацистской форме. И вот жители к советской форме относились хуже, чем к нацистской. Я подумал: вот эта польская мама, встречавшая советских солдат-освободителей, - это правда историческая, а вот когда люди относятся к нацистам лучше, чем к советским солдатам, — это реалии сделанной исторической памяти. Когда населению внушается не как оно было на самом деле, а то - как оно должно было быть.

То есть какие-то факты замалчиваются, какие-то, наоборот, раздуваются. Ведь люди новых поколений могут судить о том, что было, из газет, передач и рассказов так называемых очевидцев.

И мне кажется, что в годы перестройки была одна крайность, когда кто-то говорил: а зачем эту войну мы выиграли? Если бы немцы, то у нас были бы полные магазины и хорошее баварское пиво.

А сейчас мы пытаемся придать событиям той давней страшной войны, усеянной таким количеством жертв (в том числе и бездумных), ореол всеобщности. Что победа должна списывать все наши грехи, все наши проблемы.

Моё мнение - победу советского народа мы, увы, полностью дезавуировали в августе 1991 года, когда распался Советский Союз.

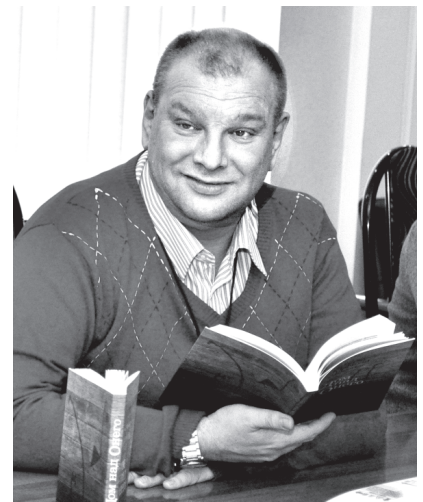
- Как именно дезавуировали?

- Мое обучение в аспирантуре - это 1990-1993 год. Я начал в Ленинграде, а закончил в Санкт-Петербурге. Тогда казалось, что любой позитив, связанный с нашей советской историей, является анахронизмом, чем-то устаревшим. Давайте вспомним - сколько чернухи тогда проливалась на всю историю нашего советского общества. И когда я сделал свою диссертацию, я понял, насколько изощрённой и квалифицированной была нацистская пропаганда.

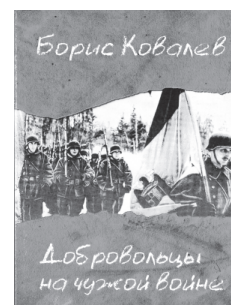
Я во многих её оборотах, штампах узнавал то, что делали с моей страной в перестройку. И я понял, что Советский Союз был разрушен не только его внутренними проблемами (об этих проблемах можно говорить очень долго), но в том числе благодаря квалифицированной пропаганде, которую наш народ смог превзойти в 1941-1945 годах, но не смог переварить в 1986-1991 годах.

Моё же убеждение человека, перелопатившего центнеры документов, без победы в Великой Отечественной войне у нас не было бы государственности и, скорее всего, не было бы нас!

Дмитрий Асташкин

Прошло уже 70 лет, а Великую Отечественную войну не перестают изучать историки всего мира — настолько она масштабна и значима. Среди них и профессор НовГУ Б.Н. Ковалев, доктор исторических наук, автор более 300 научных, научно-популярных работ и книг. В их числе - недавняя книга «Добровольцы на чужой войне» о деятельности испанской «Голубой дивизии», которая с октября 1941 по август 1942 года дислоцировалась в Новгороде и его окрестностях. Книга о «Голубой дивизии», через которую прошло 46 тысяч человек, основана на документах, личных встречах и опросах жителей прильменских деревень, которым в годы войны было от 7 до 12 лет.

КЛАД ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СТАРОЙ РУССЫ

Некоторые события лета 1941 года глазами археолога

Содержимое деревянного ящика после извлечения из земли.

В начале лета 2002 года Старорусская археологическая экспедиция НовГУ начала полевые исследования на новом участке: во дворе дома № 65 по ул. Минеральной, что практически напротив входа на Старорусский курорт, был заложен раскоп Пятницкий-I. Культурный слой Старой Руссы, прекрасно сохраняющий органику новгородскому, достигает весьма значительной мощности - до 6 метров. При проведении раскопок в городе, чтобы достигнуть не потревоженных археологами средневековых слоёв, надо убирать верхние, так называемые «техногенные», напластования, перемешанные в результате новейших строительных и земляных работ. Чаще всего это делается при помощи землеройной техники.

Но перед началом работ на Пятницком раскопе было принято решение о разборке верхних пластов вручную. В расчет бралось, прежде всего, археологическое изучение материальной культуры провинциального города XVIII-XIX веков. Однако результаты оказа-

лись неожиданными. 1 июля 2002 года при выравнивании западной стенки раскопа был обнаружен уникальный комплекс вещей, уже в полевых условиях предварительно датированных первой половиной XX века. Обстоятельства находки однозначно указывали, что перед нами своеобразный «клад» - предметы, зарытые в землю в каких-то экстраординарных обстоятельствах.

Первыми были извлечены из земли большой таз из цветного металла (верхний диаметр 40 см) и две вставленные одна в другую алюминиевые кастрюли: они практически полностью минерализовались, спаявшись друг с другом и с вложенным в них стеклянным гранёным стаканом (клеймо «Завод Восстание 1»). В минерализованном состоянии дошли до нас и остатки двух алюминиевых половников.

Ещё ближе к стенке раскопа в неглубоком открытом деревянном ящике были: плотницкие инструменты (железные топор, колун, молоток и ножовка с истлевшими деревянными рукоятками), набор железных столовых приборов (3 столовых ложки с нечитающимся клеймом в овале, 3 железных ножа, 5 вилок с клеймом «Завод Сталина», 5 железных чайных ложек с покрытием из цветного металла с клеймом «ПРОМТИЗ ОДЕССА»), настенное зеркало на деревянной основе, деревянная рамка (для фотографии?), обломок рукоятки костяной зубной щётки.

Были очень плохо сохранившиеся вещи: связка(?) простых карандашей, пара женских туфель на каблуке и отрез ткани.

В этом же ящике стояла большая (диаметр 30 см) коричневая эмалированная кастрюля с крышкой. В ней были сложены зеленая эмалированная миска с крышкой, внутри которой было достаточно много (вероятно, первоначально около килограмма) крупы, фарфоровый салатник с клеймом «НГФ Бронницы», фаянсовая крышка, ещё один гранёный стакан, рюмка и стопка.

Здесь же, с другой стороны ящика, помещались латунированный электрический чайник, вставленные друг в друга богато орнаментированные фарфоровые чашки (одна с клеймом «Фабрика И.Е. Кузнецова», одна с

клеймом «Ф-ка им. газ. Правда Дулево» и две - «Пролетарий». Село Бронницы), алюминиевая миска, две алюминиевые кастрюли, плоская светло-зеленая эмалированная кастрюля и, наконец, большая серо-голубая эмалированная миска.

Под чайником, наполовину приспонённая к деревянному ящику, лежала перевернутая стопка из двух глубоких и десяти мелких тарелок. Одна глубокая и пять мелких тарелок принадлежат к одному сервизу («Пролетарий». Село Бронницы); одна глубокая и две мелких - к другому (клеймо - четыре оранжевые точки). Кроме того, на одиночной мелкой тарелке читается клеймо «Фарфортрест. Первомайская Рыбинская фабр.».

Из фарфоровых обломков, найденных здесь же, позднее было собрано ещё несколько предметов: большое блюдо с клеймом «НГФ Бронницы», мелкая тарелка с клеймом в виде контурных литер ВР в точном круге, кувшин с тонко прорисованными сепией изображениями рыбака и водяной мельницы.

Археолог как криминалист

Как только клад извлекли, стали возникать догадки относительно его происхождения. Наиболее убедительно звучало предположение, относящее его к началу Великой Отечественной войны. Точнее - когда в преддверии захвата Старой Руссы немецкими войсками к лету 1941 года многие жители покинули город.

Но без целенаправленной проверки и обоснования эти выводы оставались лишь приблизительными гипотезами.

Не раз говорили, что исследовательские процедуры археологии имеют сходство с приёмами деятельности следователя-криминалиста.

И правда, археологу, как и детективу, часто приходится восстанавливать картину событий по разрозненным следам, по оставшимся на месте «происшествия» предметам.

Характеристики находок, особенности их залегания нередко позволяют археологу восстановить конкретные исторические условия попадания разнообразных вещей комплексов в культурный слой. В методическом отношении клад XX века от клада тысячелетней давности отличается только наличием большего количества исторических источников (письменных и нарративных - пока ещё живы непосредственные очевидцы событий), позволяющих наиболее корректно реконструировать картину событий прошлого.

В нашем случае надо было проверить наиболее вероятную гипотезу о связи этой уникальной находки с эвакуацией мирных жителей перед захватом Старой Руссы немцами, установить, какую информацию о людях, зарывших клад, о времени сокрытия содержат сами вещи, а также - совпадает ли эта информация с нашими предположениями.

Сначала попробуем выявить данные относительно владельцев спрятанного. Судя по составу, эти вещи принадлежали частному лицу, возможно семье. Общий набор утвари (в т.ч. преобладание среди столовой посуды изделий завода «Пролетарий», находящегося под Новгородом в с. Бронницы) указывает на стандартный быт советских горожан 1930-х годов.

А присутствие латунированного электрочайника, достаточно редкого в предвоенное время, косвенно свидетельствует об обеспеченности его владельца.

Кроме этого в составе клада есть вещи дореволюционного происхождения: чашка с клеймом «Фабрика И.Е. Кузнецова», фарфоровый кувшин, тарелка с клеймом в виде литер BR в круге. Это говорит о том, что набор утвари начал формироваться в начале XX века.

Возможно, это же подтверждает рукоять костяной зубной щетки с надписью «QUALITE GARANTIE» и клеймом в виде шестиконечной звезды и надписи «LOONEN PARIS» в круге. Характерно, что она попала в состав клада уже сломанной. Очевидно, даже в виде обломка эта костяная вещица представлялась хозяевам клада достаточно ценной (как воспоминание?).

Дата верная – во время войны!

Приступая к рассмотрению хронологии, заметим, что некоторые наблюдения над вещами, входящими в клад, над окружающими его культурными напластованиями позволяют ограничить время, когда он мог попасть в землю, более узким хронологическим отрезком.

Археологической наукой выработаны методы датирования так называемых «замкнутых комплексов» - совокупностей вещей, относительно которых предполагается одновременность их попадания в культурный слой, - например, погребений или кладов.

Выявление самой «молодой» на-

ходки позволяет определить дату, раньше которой данный комплекс просто не мог возникнуть.

Наиболее ценный из предметов клада - электрический чайник - был тщательно завернут в газету. К сожалению, бумага крайне подвержена разрушительному воздействию времени и влаги, она расплзлась прямо в момент извлечения чайника.

Но отрывки текста удалось прочитать. В одном из них фигурировала Эстонская СССР. Значит, клад был закопан не раньше 6 августа 1940 года, когда Верховный Совет СССР «удовлетворил просьбу эстонского народа о принятии Эстонии в состав СССР».

«Верхнюю» границу искомого отрезка времени позволил установить анализ прослоек, как в разрезе читающихся в стенках раскопа. Одна из таких прослоек - линза мелкого желтого песка, очевидно связанная с какими-то планировочными или строительными работами, - ясно прослеживалась на всем протяжении северной и западной стенок раскопа.

В северной стенке было отчетливо видно, как эту линзу нарушает перекоп - траншея под керамическую канализационную трубу, вырытую, по словам местных жителей, в начале 1950-х годов, вероятно в 1954 году.

В западной стенке раскопа эта прослойка перекрывала место залегания клада была не потревожена.

Иными словами, клад был зарыт в землю в то время, когда эта прослойка желтого песка ещё не существовала - то есть до 1954 года.

Судя по всему, наша первоначальная гипотеза подтверждается: можно утверждать, что клад был зарыт в период 1940-1954 гг., а с наибольшей вероятностью - во время Великой Отечественной войны.

Где зарыли

Не меньший интерес вызывает попытка реконструировать обстоятельства, в которых эти вещи были запаны в землю.

Во-первых, коснемся места сокрытия клада. Границы ямы, в которую он был помещен, точно определить не удалось.

Однако, упомянутая песчаная прослойка, появившаяся в 1950-х гг. и, вероятно, таким образом маркирующая уровень дневной поверхности военного времени, позволяет пред-

положить, что вещи были помещены на достаточно небольшую глубину - 60-70 см до дна ямы.

Слой, окружавший вещи (по сути - заполнение ямы, в которой они были закопаны) содержал множество осколков битого стекла и костей - кухонных остатков.

Всё это подводит нас к выводу: клад был зарыт в панике и спешке где-то на задворках. Это непосредственно указывают на некие экстраординарные обстоятельства.

Что закопали

Во-вторых, обратимся к анализу состава клада. Входящие в него кухонная и столовая посуда, железные столовые приборы, плотницкие инструменты, настенное зеркало и рамка обладают средней ценностью. Это предметы повседневного обихода, которые не стали бы (в отличие от денег и драгоценностей) скрывать в земле люди, остающиеся в городе и напуганные предстоящей оккупацией.

В то же время, это предметы либо тяжёлые (плотницкие инструменты), громоздкие (таз, большая кастрюля, зеркало), либо легко ломающиеся или бьющиеся (фаянсовая и стеклянная посуда, электрический чайник), то есть крайне неудобные для транспортировки.

Это именно те вещи, которые не стали бы брать с собой люди, спасающие свою жизнь бегством из родного города. Однако их жалко оставлять в покидаемом доме в качестве добычи потенциальных мародёров.

В составе клада присутствуют и предметы совсем не приспособленные для длительного хранения в земле: простые карандаши, женские туфли и отрез ткани. Все они были просто положены в открытый сверху (и наполненный землей при закапывании ямы) деревянный ящик без дополнительной упаковки. Естественно, что именно они дошли до нас в наихудшей сохранности - под действием влаги карандаши раскололись, туфли расслоились, а ткань практически полностью истлела.

Ещё большее изумление вызывает находка достаточно большого количества крупы в закрытой крышкой железной миске.

Всё это может объясняться одним: люди, зарывшие в землю всё

Предметы из состава клада на выставке в музее Северо-Западного фронта (Старая Русса).

Клад на стадии расчистки. Видны деревянный ящик, столовые приборы, женские туфли, тарелки.

эти вещи, рассчитывали вернуться обратно в ближайшее время.

Напрашивается вывод: с большой долей вероятности можно утверждать, что перед нами вещи, зарытые в землю кем-то из жителей близлежащих домов по улице Минеральной, которые в панике и спешке эвакуировались из Старой Руссы летом 1941 г.

Наиболее вероятной датой может быть назван временной отрезок с начала июля по первую декаду августа 1941 года. В то же время, некоторые выводы из анализа боевых действий в районе Старой Руссы, на наш взгляд, позволяют гипотетически еще более сузить искомый временной отрезок.

Данные рассуждения позволяют подтвердить гипотезу, что владельцы вещей, составляющих клад, зарыли их в землю перед эвакуацией из Старой Руссы в преддверии захвата города немецкими войсками летом 1941 года.

Цель - Старая Русса

Жители Старой Руссы впервые ощутили на себе приближение военных действий 5 июля 1941 года, когда начались воздушные бомбардировки города. Эвакуация части промышленных предприятий (Фанерный комбинат), вероятно, началась ещё до этого. Имеется информация относительно вывоза части населения в восточные районы Новгородчины.

14-15 июля авангардные части 16-й армии Вермахта после выхода к левому флангу Лужской полосы обороны на реке Шелонь в районе Сольцов и Шимска оказались на расстоянии примерно 50-60 км от города. С 17 июля авианалеты становятся постоянными.

Немецкое и советское командование прекрасно понимали стратегическую ценность Старой Руссы. Обладание этим пунктом означало не просто контроль над переправой через реку Полисть. Крупный лесисто-болотистый массив, подступающий к озеру Ильмень, делал полосу вдоль южного берега озера единственным коридором для маневрирования в восточном направлении.

Расположение Старой Руссы на пересечении железнодорожных путей – стратегически важной линии Бологое - Дно и ветки, ведущей через Шимск к Новгороду, – превращали город в важный транспортный узел.

Быстрый захват города открывал перед немецкой армией возможность стремительных ударов вдоль железной дороги на Парфино, Валдай и далее на Бологое, а также в юго-западном направлении по шоссе Старая Русса - Демянск.

Для Красной Армии наличие ветки, соединяющей с Октябрьской железной дорогой, позволяло обороняющей Южное Приильменью 11-й Армии обеспечивать снабжение и подвоз подкреплений.

Следует отметить, что пре-

кращение железнодорожного сообщения по Октябрьской линии было одной из важных оперативных задач немецкой группы армий «Север» в июле 1941 г.: «В оперативном отношении для нас желательно, чтобы связь противника между Москвой и районом озера Ильмень была прервана».

Относительно событий с 30 июля по 4 августа 1941 г. в историографии представлены две взаимопротиворечащие точки зрения. В практически дословно повторяющихся популярных описаниях боев под Старой Руссой И.Н. Вязинин (*ветеран войны, профессор НовГУ. - Ред*) настаивал, что бои за город начались непосредственно 31 июля - 1 августа. А немецкие источники считают, что с 30 июля по 4 августа бои шли на расстоянии 15 км от Старой Руссы. Военный кинооператор Роман Кармен также утверждал, что 3 августа он ещё посещал расположение штаба 22-го корпуса в д. Нагово под Старой Руссой.

30 июля советским войскам удалось временно остановить вражеское наступление примерно в 15 км от города. Но в ходе нового наступления 4-5 августа дивизия Вермахта удалось взломать советскую линию обороны, а 6-9 августа бои с применением танков и авиации развернулись уже за сам город.

Несмотря на ожесточенное сопротивление, Старая Русса была полностью захвачена, к вечеру 11 августа советские войска были отброшены за Ловат.

Массовый исход горожан

Напряжённый характер боевых действий на подступах и в самой Старой Руссе вызвал экстренную эвакуацию местного населения.

Уже 29 июля, когда немецкие войска вплотную приблизились к городу, в дополнение к тяжелейшей воздушной бомбардировке начался артилле-

рийский обстрел. Все это, судя по всему, спровоцировало массовый исход мирного населения, пытавшегося вырваться из горящего города в восточном и юго-восточном направлениях.

Штурм города сопровождался массированным применением артиллерии обеими сторонами. Целые районы Старой Руссы были охвачены сплошными пожарами. Вероятно, наиболее сильно пострадала восточная часть Старой Руссы, где был обнаружен клад.

Участники боев с немецкой стороны вспоминают, что именно здесь буквально каждый дом был «превращён в крепость». Фотографии, сделанные немецкими войсками после захвата города, демонстрируют картину значительных разрушений.

Что же стало с людьми

Отмеченная выше характеристика условий сокрытия клада – то, что спрятавшие его люди надеялись вернуться в ближайшее время, – на наш взгляд, позволяет более точно установить время, когда он попал в землю. Очевидно, это должно было произойти до начала непосредственных боев за город, то есть до последних дней июля, так как ужасы разворачивающихся боёв за родной город, жертвы и пожары должны были лишить беженцев надежд на скорое возвращение.

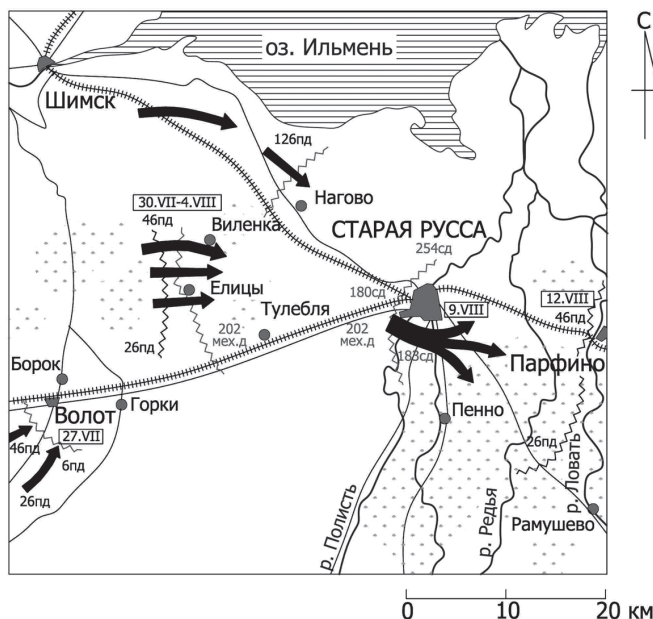
Что же стало с людьми, зарывшими в землю этот клад, найденный лишь спустя 60 лет? Они могли погибнуть в ходе бегства, тем более, что сохранились сведения, что 29 июля 1941 года спасающиеся из города мирные жители попали под ожесточённые налеты авиации.

А может быть они вернулись в Старую Руссу, но не нашли свои вещи среди руин уничтоженного войной города. Допустимо и то, что они не возвратились домой, обосновавшись на новом месте. Судить об этом трудно. Ясно одно – по каким-то причинам эти люди не смогли забрать столь ценные для них вещи.

Но любопытно одно совпадение: по словам экскурсовода М.И. Емельяновой, среди отдыхающих на Старорусском курорте была женщина, вспоминавшая, что до войны её семья жила в этом городе. По словам женщины, её бабушка, собираясь в эвакуацию, неподалеку от курорта зарыла в землю «вещи в медном тазу»...

Большая часть составляющих клад предметов передана на хранение в Старорусский филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника «Музей Северо-Западного фронта».

К.Г. Самойлов,
зав. сектором отдела
изучения проблем
археологии Новгородской
земли, старший
преподаватель кафедры
истории России и
архивоведения НовГУ

Боевые действия под Старой Руссой
в конце июля - начале августа 1941 г.

(составлено по карте "Angriffs- und Abwehrschlacht um Staraja Russa 24.7.-20.8.41" // Фонды Старорусского филиала НГОМЗ "Музей Северо-Западного фронта").

Отголоски Великой Отечественной войны слышны до сих пор. Судьбы людей, погибших тогда, тесно переплетены с нашими. Активная деятельность «Поисковой экспедиции «Долина» памяти Н.И. Орлова» тому доказательство. На сегодня в состав поискового объединения входят 60 отрядов. Каждый год более 2000 человек отправляются в болота и леса, чтобы найти останки погибших воинов, защитников Родины, и затем с почестями их захоронить. История «Долины» связана с жизнью Николая Ивановича Орлова. Своего первого солдата и первый медальон он нашёл, когда ходил за ягодами в лес. А в апреле 1968 года Николай Орлов повёл в «Долину смерти» первый отряд комсомольцев. С тех пор в Новгородской области поисковая экспедиция живёт и развивается. Николай Иванович умер в декабре 1980 года, но его дело не затихло. НООО «Поисковая экспедиция «Долина» появилась в 1988 году.

ДОЛИНА ПАМЯТИ, ДОЛИНА ГЕРОЕВ

Первая масштабная экспедиция состоялась в августе 1988 года. В ней приняли участие более 500 поисковиков из разных областей России.

Первая Всесоюзная Вахта памяти открылась 28 апреля 1989 года. Для её проведения выбрали район вблизи деревни Мясной Бор, где когда-то жил Николай Орлов. Выбрали не потому, что там жил Орлов, а потому, что это места жестоких боев 1942 года.

Поле деятельности для поисковиков остаётся широким и по сей день. Историкам известно, что на территории нашей области погибло около 850 тысяч человек. Официально были захоронены 530 тысяч.

За 27 лет работ поисковики нашли и захоронили ещё чуть более 110 тысяч человек. Это значит, что для 200 тысяч и более честно погибших за страну бойцов похороны ещё не проведены.

Одна из долгожителей «Долины» - Светлана Михайловна Орлова (на фото), руководитель новгородского поискового отряда «Шкраб», участник совета командиров «Долины», руководитель «Зала воинской славы» в Великом Новгороде. Первый выход её поискового отряда состоялся в 1990-м году, когда она предложила пойти вместе с ней в лес студентам Педагогического колледжа, где тогда работала сама.

Застать Светлану Михайловну свободной мне было непросто. Когда я пришла к ней в «Зал воинской славы» за рассказом о деятельности «Долины», мне пришлось довольно долго ждать, пока она закончит разговор с двумя женщинами.

Как потом выяснилось, первой была дочь солдата, погибшего на войне. В «Долине» ей помогли узнать судьбу отца, выяснили, что несколько лет назад его останки нашли под Санкт-Петербургом и захоронили. Вместе с этой женщиной новгородские поисковики ездили на место захоронения. В тот день, когда я её увидела, она пришла к Светлане Орловой с благодарностью.

Отец второй посетительницы, участник битвы под Сталинградом, с фронта вернулся. Но женщина пыталась узнать что-то ещё о нём и предложила рассказ о том, что знает она сама. Ведь память должна жить.

Важное дело. Нужное дело

О том, что дело поисковиков нужно и ценно, стало понятно сразу. Но мне всё же захотелось узнать мнение человека, связанного с ним непосредственно:

- В чём смысл поисковой деятельности сейчас? - спросила я у Светланы Михайловны.

- Меня очень радует, что в последнее время возрастает интерес к истории своих семей, к истории всей страны через уяснение судеб близких родственников. Тем более важно, что сейчас реализуется проект «Герой Великой Победы».

Благодаря ему мы можем открыть базу данных, увидеть отсканированные документы Центрального архива Министерства обороны.

Вы можете узнать, какую награду получил ваш дед или прадед, участвовавший в войне, какой он подвиг совершил. Когда об этом было объявлено, к нам пошёл поток людей. Это были не только дети и жёны погибших. Примерно половина были внуками и правнуками, которые хотели что-то узнать о службе своего родственника.

Интерес проявляют не только люди старшего поколения, но и дети, подростки 15-18 лет и младше.

И когда сталкиваешься с судьбой человека, когда находишь его в земле, а потом разыскиваешь его родственников и встречаешься с ними - внутри всё переворачивается от счастья. Как бы ни было тяжело вести поиски, на душе светло от того дела, которое делаешь.

Естественно, что в ходе поисковой деятельности находятся не только останки солдат, но предметы их быта и оружие. У поисковиков ничего не пропадает, находки идут в «Зал воинской славы».

- Только что мы отметили три года, - рассказала Светлана Орлова. - Когда принималось решение об открытии, было непонятно, что будет в Зале выставляться. Некоторые предметы, которые подошли бы для экспозиции, имелись в фонде Новгородского музея-заповедника. Но музей - организация муниципальная, он может перемещать фонды только внутри своей структуры. И тогда мы решили выставить наши находки. Большая часть предметов, особенно оружие и другие крупные экспонаты, найдены поисковиками. Но многое приносили из домов и заинтересованные люди. Это, в основном, документы и письма.

Особенные люди - поисковики «Долины»

Поисковая деятельность - дело трудное и в моральном, и в физическом плане. Поисковики - особенные люди. Им приходится жить в походных условиях, спать в холоде, руками рыть землю. А ещё приходится принимать

участие в эксгумационных работах. Бывает, что новички и в обморок падают.

- В поисковики идут люди разных возрастов и профессий, - поделилась Светлана Орлова. - В состав поисковой экспедиции стремятся войти даже дети. Придя в «Зал воинской славы», открыв для себя тему войны, они начинают задавать вопросы и обращаются с просьбой включить их в состав поискового отряда.

Приходят люди среднего возраста. Это и люди с двумя высшими образованиями, и рабочие, и безработные. Иногда в состав отряда влияют те, кого судьба каким-то образом столкнула с поисковым движением. Например, «Долина» помогла им найти родственников, и у них возникла потребность помогать другим.

в поисковиках, остаются именно ради этой цели - помочь родственникам погибших, оказать почести защитникам Родины. Это правило подтверждает и Ирина Ёлкина, член новгородского отряда «Рубин», студентка 4-го курса кафедры журналистики НовГУ. На Вахты памяти Ирина ездит с 2009 года. Изначально её интересовала туристическая деятельность, а в поисковики она пришла из скаутов вместе со своим руководителем.

- В поисковой деятельности меня привлекает многое: люди, которые там находятся, атмосфера в коллективе. Но главное - это смысл, заложенный в этом деле. Найти солдата для меня очень важно. За 5 лет, что я в отряде, мне ещё не удавалось найти медальон. Но я видела слёзы счастья

ковых работах могут ребята, достигшие 14 лет. Это тот возраст, когда подростки становятся достаточно серьёзными, чтобы выполнять некие работы, связанные с эксгумацией погибших. Также в этом возрасте дети уже могут без серьёзных последствий для здоровья находиться в лесу, то есть, в местности, где ведутся работы.

- Участвовать в экспедициях достаточно трудно для нынешней молодёжи, - прокомментировала Светлана Михайловна. - В 90-е годы молодёжи было проще справляться с трудностями походного быта, лес им был ближе. Сейчас в жизни ребят больше комфорта, многие даже не мыслят себя в походных условиях. И поэтому нынешним молодым людям в поиске приходится сложно. Но они справляются.

Один из молодых в отряде «Шкраб» - Павел Громак, ученик 11 класса школы № 33 Великого Новгорода. В «Долину» он пришёл в 2014 году, попал на весеннюю вахту в конце апреля - начале мая.

- Поисковая деятельность приносит пользу моей стране и позволяет показать, что я помню о подвиге наших людей, - поделился Павел. - Я несколько раз находил солдат, и всегда испытывал особый трепет, когда понимал, что 70 лет назад это был живой человек, который шёл здесь.

«Долина» нашего государства

Отношение людей к поисковой деятельности понятно. Ею занимаются совершенно разные люди, но всех их объединяет общая цель. И так

было в течение всего времени работы «Долины».

А вот отношение государства к поисковикам не было столь постоянным. Были времена, когда поисковая деятельность в принципе отвергалась. На официальном уровне считалось, что её не существует.

В 1968-м году был снят фильм «Командант Долины смерти» - о Николае Ивановиче Орлове, основоположнике поискового движения. Когда картина уже готовилась к показу, её посмотрели в главном политуправлении армии и приказали не пускать фильм к просмотру и, вообще, срочно смыть его с плёнки. Аргумент был такой: этого просто не может быть.

- С тех пор оценка поискового движения властью неоднократно менялась, - поделилась Светлана Орлова. - Длительное время оно не поддерживалось или поддерживалось минимально. Сейчас каждый отряд экспедиции «Долина», действующей на территории Новгородской области

Люди приходят с разными целями. Среди молодёжи много тех, кто ищет романтику походной жизни, разговоров у костра со сверстниками и интересными старшими людьми. Некоторые из коллекционеров приходят в поиск. Есть и те, кто просто ищет интересные варианты самореализации.

Но большая часть поисковиков - те, кто пришёл в поисковое движение, узнав о его сути, кто изначально хотел выполнить некий долг перед людьми, которые защищали страну.

«Это нужно не мёртвым, это нужно живым» - эта цитата из стихотворения Роберта Рождественского совершенно справедлива в отношении поисковой деятельности. Когда поисковики видят человека, который приехал за тридевять земель, чтобы поддержать в руках косточки своего прадеда, что-то меняется в них самих. Ребята по-другому начинают смотреть на то дело, которое они делают.

Молодые поисковики

В любом случае те, кто остаются

на глазах девочек, когда они поднимали солдата и находили медальоны.

А вот в оценке сложностей работы поисковиков Ирина расходится со Светланой Михайловной.

- Самое сложное, это решение физических проблем. Во время походов холодно. Не спасает ни термобельё, ни спальные, ни куча пенок. Очень холодно спать в палатке на морозе. Лечь спать - это самое сложное.

Ещё сложно ходить «на дальняк» (синоним разведки в поисковой деятельности. - О.Слобода). Мы делимся на группы и идём проверять какую-то местность, о которой известно, что там шли бои. Необходимо проверить, сохранилось ли там что-либо. Иногда ходить по лесам и болотам приходится очень далеко. Бывает так, что проходишь и 25 километров. И когда по возвращении в лагерь предлагают поесть, уже ничего не хочется, приходится даже ради ужина собраться с силами.

Недетская работа

Официально участвовать в поис-

Поисковик Ирина Ёлкина.

►ти как часть большой общественной организации «Поисковое движение России», имеет свою базу. Она создавалась и поддерживается поисковиками за счёт собственных средств.

Но и вклад государства в поддержку движения достаточно велик. Только недавно наш отряд получил два металлодетектора стоимостью примерно по 30 тысяч рублей каждый. Без таких инструментов вести поисковую деятельность сложно.

В 2013 году мы получали по 50 рублей в день на пропитание. В прошлом году эта сумма составляла уже 150 рублей. Плюс финансируется заезд в лес: для исследования территории нужно проехать от 15 до 50 километров вглубь, а иногда и больше, сделать это без спецтехники невозможно.

Некоторые спрашивают, сколько мы получаем за нашу работу. Ответ прост: нисколько. Это полностью добровольная деятельность.

Это дело не закончится, не исчезнет

Как бы там ни было, рано или поздно погибших солдат перестанут находить. Но деятельность «Долины» на этом не прекратится. Вопрос о захоронении останков погибших на других войнах останется: есть люди, которые ушли из Новгородской области и пропали без вести на Афганской войне. И кто знает, кому в будущем придётся заниматься их поиском.

Останется интерес об-

щества к истории страны, к заслугам родственников и к их участию в мировых процессах.

- До выставки «Наша великая Победа» в «Зале воинской славы» работала выставка, посвящённая истории Первой мировой войны, - вспоминает Светлана Орлова. - В прошлом году мы отметили 100 лет с её начала. Эта война была забыта. Она неизвестна не только молодым ребятам, но и взрослому поколению. Но после того, как мы открыли выставку, несколько человек приходили с просьбами о том, чтобы мы помогли им выяснить судьбы родственников, прошедших Первую мировую. И я видела этих людей и их сильное желание узнать о судьбе погибших или пропавших без вести родственников.

Я сама, готовя выставку, выяснила из рассказа родных, что была фотография одного из моих прадедов с медалью на груди. К сожалению, не смогла ни найти фотографию, ни узнать, кто на ней был. Но испытала гордость уже от того, что в моём роду тоже был кто-то, кто тогда защищал Отечество.

Долина удивительных историй

Каждый поисковик стремится найти медальон, который позволит установить личность солдата. Эти медальоны - самые важные находки для поисковиков. Но бывает, находятся и другие значимые вещи.

- Как-то раз мы нашли типографию, - рассказала Светлана Михайловна Орлова. - В какой-то момент, разрывая грунт, мы стали находить металлические шрифты и раскопали типографский набор газеты 52 Армии «Боевая красноармейская». Датой её выпуска стояло 24-е июня 1942 года.

Как раз в тот день готовился прорыв из окружения в районе Мясного Бора. Сама газета была небольшая, но это та вещь, которая действительно передаёт, что происходило в то время. Там, конечно, были статьи с идеологическим содержанием. Но когда мы всё это читали, мы понимали настроение тех людей. Газета начиналась словами «Врагам не сломить нашего сопротивления!». По большому счёту люди верили, что выйти удастся. Хотя и понимали, что выйдут немногие. Это, пожалуй, самая

удивительная находка.

День рождения и первый поход

Свой запоминающийся случай был у Ирины Ёлкиной. Её история подтверждает аксиому «За смертью всегда следует жизнь». День рождения Ирины Ёлкиной, 29 апреля, выпадает на начало весенней вахты. Так случилось и в первый её поход:

- Помню, мы стояли вместе: отряды «Сокол», «Рубин» и «Скиф». В основном там были люди старше меня, мужчины. Они ещё не были со мной знакомы, но узнали, что у меня день рождения, что я собираюсь стать журналистом, и сделали мне подарок - выдолбленный из полена футляр для ручки. Они и ручку туда положили, и цветы, подснежники. Нашли где-то значки с Че Геварой. Кто-то достал портупею. Теперь у меня есть армейский ремень, полностью исписанный пожеланиями. Мой отряд сделал салаты, надул шары. И каждый мой день рождения теперь особенный, а пожелания - самые искренние.

- В тот раз мы шли на болото, - вспоминает Ирина. - А работа на болоте значительно отличается от той, что в лесу. Это очень сложно: приходится разрывать руками мох, засовывать руки по локоть и глубже в болото и пытаться на ощупь найти косточки. Я тоже разрывала дерн и испытала сильное удивление, когда первый раз увидела большую человеческую кость. Помню, как задала глупый, как теперь понимаю, вопрос: почему мы не зарываем назад то, что раскопали? Надо мной все смеялись, но по-доброму. К вечеру мы очень устали, я замёрзла, мы много прошли по воде. А в конце, чтоб как-то поднять настроение, мы с ребятами кидались друг в друга клюквой.

В поисковых походах всё особенное. Здесь самые искренние люди, удивительная атмосфера. Но, главное, что здесь мы можем поднять солдата, найти пропавшего бойца.

«Долине» нужен каждый

Поисковая экспедиция «Долина» памяти Н.И. Орлова ведёт набор в отряды. Вся необходимая информация есть на сайте: <http://poisk-dolina.ru/>. Также можно обращаться в штаб экспедиции, тел.: 8 (8162) 77-22-87, тел./факс (8162) 77-72-42, или на e-mail: dolina@novgorod.net.

Ольга Слабада

АВТОГРАФ СТАРОГО СОЛДАТА

Есть книги с удивительной судьбой. Мы расскажем вам об одной из них, найденной простым солдатом и пронесённой потом дорогами Великой Отечественной войны. Последний перед закрытием Новгородского государственного учительского института (далее — НГУИ) приказ № 131 от 11 августа 1941 года, подписанный директором В.В. Скобеевым, гласил: «В связи с вывозом ценного имущества и учебного оборудования учебные занятия в 1941/42 году не состоятся». Все сотрудники института с 12 августа были освобождены от работы с выдачей выходного пособия, согласно КЗОТ. Через пять дней немцы вошли в Новгород... Свидетельством того, в какой обстановке проходила эвакуация библиотеки института, являются архивные документы, в частности, приказ № 121 по НГУИ от 23 июля 1941 года. Согласно ему, срок окончания работы был установлен 27 июля. Всего предстояло упаковать и отправить автотранспортом в Вологду около 38000 книг, не считая журналов. Уже после окончания войны, в начале 1946 года, институту было возвращено только 10 000 томов. Судьба остальных книг не известна.

Дополняет сведения из архива одна воистину уникальная находка. С удивлением и восхищением распечатали в декабре 1974 года библиотекари НГПИЗ посылку из г. Горького. В ней оказалась книга — третий том из четырёхтомного собрания сочинений Н.А. Добролюбова, изданного в Санкт-Петербурге 1876 году, первый и второй тома которого хранились в библиотеке.

В сопроводительном письме от правитель, некий С.Моисеев написал: «В библиотеку Педагогического института имени М.Н. Покровского, гор. Новгород».

Возвращаю эту книгу - 3-й т. соч. Н.А. Добролюбова — Вам по принадлежности. Тяжело расставаться с старым испытанным другом, и особенно тяжело на склоне лет. Но, помня, что хорошая книга, как и верный друг, послужит людям, особенно молодым, стать знающими и активными проводниками демократических идей автора и непоколебимыми строителями коммунистического общества, расстаюсь обнадёженный.

С уважением — старый солдат
25.XII.74 г. С.Моисеев»

На форзаце книги имеется запись: «Справка: Эту книгу я подобрал на улице в городе Новгороде, в августе 1941 г., числа не помню. Был ясный, солнечный день, ветрено. То и дело налетали вражеские самолёты — бомбили жилые кварталы города. Ветер и взрывные волны перебрасывали книгу, перелистывали её. Повстречавшись с ней, я решил её защитить — поднял и пронёс потом до конца войны. С.Моисеев».

Текст «Справки» написан шариковой ручкой, запись свежая — видно, сделана перед отправкой книги.

Насколько же сильно врезались в память солдата эти жаркие дни отступления в августе 1941 года, что спустя тридцать с лишним лет он смог передать нам живую картину происходившего!

Нашего современника, особенно молодого, пожалуй, удивит такое трепетное отношение к случайной на-

ходке на дорогах войны (революционные демократы нынче не в моде), тем более, что это — не приключенческий роман и не сборник любимых стихов, а литературная критика на сочинения А.Н. Островского, И.С. Тургенева и других «школьных» авторов.

Все это изучалось на уроках русской литературы. Тогда же мы «проходили» и стихотворение Н.А. Некрасова «Памяти Добролюбова», которое заучивали наизусть и скороговоркой бубнили у доски: «Суров ты был, ты в молодые годы / Учил рас-судку страсти подчинять...»

Однако для молодого солдата, подбравшего под бомбами том Добролюбова, имя автора отнюдь не было туманным воспоминанием; поэтические строки Некрасова, посвящённые практически ровеснику, сгоревшему в пламени борьбы за свободу родной земли, без сомнения, находили в дни войны созвучие в душе молодого солдата:

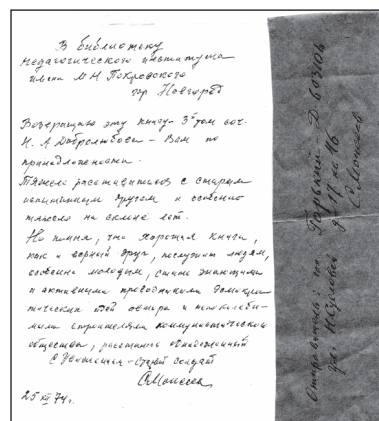
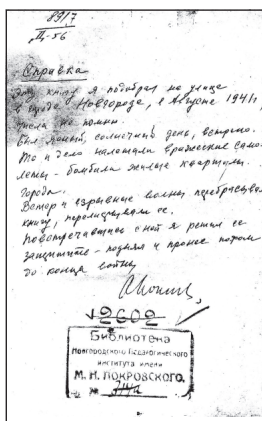
Учил ты жить для славы,
для свободы,
Но более учил ты умирать <...>
Но слишком рано твой ударил час.

В последний год жизни, уже тяжело больной Добролюбов написал:

Милый друг, я умираю,
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю
Верно, буду я известен.
Милый друг, я умираю,
Но покоен я душою...
И тебя благословляю:
Шестувуй тою же стезёю.

Думается, искренние слова молодого поэта прошлого могли послужить духовным завещанием для человека, ищущего свой путь в жизни. И потому неудивительно, что бывший солдат С.Моисеев называл сохранённую им книгу «старым испытанным другом» и передал её молодому поколению с надеждой на то, что оно найдёт этот путь.

В.Рукавичникова
зав. сектором НБ НовГУ

МОИ РОДНЫЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в каждой нашей семье. Но, как признаются многие современники, они часто мало знают о жизни своих дедов-прадедов, порой - некоторые фрагменты из их воспоминаний.

Чтобы грядущие поколения не забывали об этой страшной войне, необходимо не только рассказывать о ней, но записывать воспоминания фронтовиков, жителей тыла и оккупированных территорий, детей войны; не только хранить, но и показы-

вать фото тех лет, документальные свидетельства.

В этом разделе журнала мы даём слово нашим штатным и внештатным корреспондентам, записавшим рассказы о войне.

*Это было давно,
Это стало былиной,
Это помнит наш город старинный,
А немножечко знаю и я:
Про войну я узнала от милой бабули,
Что ребенком в войну ту была...*

«НЕТ В РОССИИ СЕМЬИ ТАКОЙ, ГДЕ НЕ ПАМЯТЕН СВОЙ ГЕРОЙ...»

Вместо школы – на войну

Родился Николай Мельников в крестьянской семье на Вологодчине в 1924 году, но во всех документах впоследствии будет стоять другая дата – 1923 год.

В 1941 году ему не хватало одного года до призывного возраста, и он схитрил, как делали тогда многие, – прибавил себе этот год, изменив одну цифру в метрике. А потом поменялось всё, вся жизнь пошла по новым, военным рельсам – жизнь маленького человека и жизнь огромной страны, вставшей на смертный бой.

Дома, в деревне с горящим названием Погорелово, остались мать и сёстры. Отец тоже был призван на фронт – и погиб в сорок втором. Об этом будет сказано в дневнике всего несколько слов:

«Вчера получил несколько писем. Одно из них – о гибели отца».

А пока – роковой сорок первый. За плечами – семилетка и три года в педучилище, окончить которое не позволила война.

Он всё-таки станет учителем – потом, уже в 1960-х, окончит Львовский университет и будет преподавать в школе историю... и рисование. А пока педагогическое училище пришлось сменить на военное. И место школьных дисциплин заняли живая история и рисунки в дневнике, сделанные во время коротких привалов или лечения в госпиталях.

Эти путевые фронтовые заметки на отдельных листках позже, уже в Германии, начнут собираться в тот самый дневник.

...А просто – трудная работа

Окончив в октябре 1941 года Борисовское военно-инженерное училище в Архангельске, лейтенант Мельников принял под своё командование взвод – и началась его военная история, фронтовые будни.

Описание этих будней составит большую часть его дневника: уста-

новка мин и разминирование, проходы в минных полях, сопровождение танков, строительство переправ и укреплений...

На жёлтых сухих страницах останутся дороги войны, её рутина, та самая война, которая «совсем не фейерверк».

«Ездил в село... Наводил переправу... До поздней ночи... Вернулись уставшие как черти...», – отчёт о сделанном за день, скупая и строгая хроника.

И странно, и страшно думать, читая эти строки, что они были написаны человеком семнадцати-восемнадцати лет от роду.

«21 мая 1942. Уже в районе Уткино строим батальонный оборонительный рубеж. 12 дней работаем от зари до зари. Даже в такую золотую пору к девушкам сходить некогда, а они, черти, нарочно тянут песни. Сады цветут, тополя стройные и зелёные, птицы щебечут, а ночью луна как на картинках с украинским видом...».

Смерть над головой

Не только труд и рутина на страницах дневника – рядом с ними идут горечь отступления, вездесущая смерть, лежат вдоль дорог разрушенные, заживо сгоревшие города.

...«Июль 1942. Ростов проходили ночью по Будёновскому проспекту. И в это время самолёты бросали на город бомбы. Красавец Ростов горел: горели фабрики, горели дома, горели полные добра магазины».

...23 октября 1942. Смерть ещё раз порхнула над головой: пули крупнокалиберных пулемётов и пушек «Юнкерсов» ложились впритирку к волосам, не трогая кожи, костей, даже осколки бомб не задели. А ведь пришлось лежать долгих 10 минут посреди дороги, без укрытия. Когда встал с земли, я целый час сидел на обочине, ощупывая себя и думая: «Как же так, что я цел остался? Как же так? Право, случайность...» Но после этой

В семье, в которой я родилась, жила, росла, этим героем был мой дедушка – капитан запаса Николай Васильевич Мельников. Попад на фронт осенью 1941 года, он прошёл войну до последнего её дня, побывав в самом её пекле: воевать ему довелось в составе штурмовой бригады.

Окончив военную службу в 1956 году, Николай Васильевич прожил потом долгую жизнь, полную новых дел, интересных и важных. В 1995 году его не стало. А память о войне осталась, пережив его. Сохранился дедушкин фронтовой дневник – толстая тетрадь в добротном твёрдом переплёте, на котором выведено заглавие: «Дорога в Берлин».

Дарья Перевая

случайности мне через месяц пришлось очень много белых волосинок из головы вытаскать.

...25 мая 1943. Перед глазами разрушенный красавец Сталинград. Каким я его видел в 1941 году и каким он стал сейчас? Камень на камне... Города нет, сплошное месиво кирпича, обломков. Прошло уже полгода почти с разгрома Паулюса, а всё ещё водят среди развалин пленённых немцев; валяются необрушенные разлагающиеся трупы, кровавый смрад не проходит над городом. Искалеченное оружие, поломанные походные кухни, вся в ячейках и воронках земля – вот зрелище освобождённого Сталинграда. Город можно просмотреть насквозь из любой точки стояния».

Горячее лето сорок второго

А в июле 1942 года, когда Сталинград ещё не был разрушен, когда битва, ставшая величайшей в истории войн, ещё только начиналась, – жизненно важной для СССР стала оборона Кавказа и бакинских нефтяных промыслов. В составе войск Северо-Кавказского фронта участвовал в битве за Кавказ и 18-летний лейтенант Мельников. Читаешь его записи об этом времени – и явно проступает сквозь строчки молодость автора, почти мальчишеская запальчивость и максимализм, – молодость, не сломленная войной. Читаешь – и радуешься за него – несмотря ни на что.

«И тут неожиданно всё как-то притихло: и пыли над дорогами не

Штурмовые инженерно-сапёрные бригады резерва Главного Командования (РГК) начали формироваться весной 1943 года. Бригады предполагалось использовать на наиболее важных оперативных направлениях, особенно там, где у противника имелись мощное фортификационное оборудование местности и минные заграждения, а также при штурме сильно укрепленных населенных пунктов.

Бойцы отбирались особенно тщательно. Отсеивались все кандидаты старше 40 лет, а также физически слабые и тугодумы.

Боец-штурмовик нёс на себе груз в несколько раз больший, чем простой пехотинец. На него был надет стальной нагрудник, защищавший от мелких осколков и пушечных (автоматных) пуль, за плечами часто висел увесистый мешок с «набором взрывника». В подсумках находился увеличенный боекомплект гранат, а также бутылок с «коктейлем Молотова», которые метали в амбразуры или оконные проёмы. А с конца 1943 года в их распоряжение поступили ранцевые огнемёты.

Содержанием инженерных штурмовых действий являлось:

- штурм подрывными средствами дотов, дзотов, крабов, строений, приспособленных к обороне, и танков, используемых как неподвижные огневые точки;
- разминирование проходов, местности;
- преодоление естественных и искусственных препятствий;
- манёвр заграждениями в процессе блокирования атакуемых объектов.

стало, и обозы не идут к Туапсе, и не видно разноцветных толп эвакуирующихся. Какая-то властная рука остановила поток бегущих. Несмотря на то, что армия отступала, уже около дорог ставили артиллерию, за холмами скрывали первых запевал её – «Катюши». И вот Кавказ встаёт щетиной на пути бронированных немецких колонн. Они тычутся в нашу оборону, таранят её, но отскакивают назад, как от туго натянутой тетивы лука. Они идут на всё: жгут лес, бомбят дороги, не оставляют живого места и покрывают землю листовками, как снегом. Геббельс пишет: «Сталинград сдался», «Москва окружена», «Вы отрезаны от России, у вас нет хлеба – сдавайтесь в плен!»

Сдавайтесь? А что народ на Кубани, Дону скажет, когда ты, Геббельс,

Иными словами – отныне воевать предстояло в особенно сложных условиях, решая тяжелейшие боевые задачи. Штурмовым инженерно-сапёрным бригадам предстояло во всех смыслах слова прокладывать дорогу пехоте и танкам, – идя ли в отчаянный прорыв или строя военные коммуникации».

На Западном фронте – перемены

Одной из важнейших операций 1943 года стало освобождение Смоленска силами войск Западного фронта. Именно после этого 1-й штурмовой бригаде, где служил лейтенант Мельников, было присвоено имя Смоленской. Вот как описал он Спасс-Деменское сражение, с которого начиналась Смоленская операция:

«Наступление на Спасс-Деменск началось 9 августа.

...В 4 часа утра из-за бугров полетели первые огненные стрелы наших «Катюш». И эту песню подхватили тысячи орудий фронта генерала Соколовского. Каждая минута времени немцам стоила всей жизни. А смерть неслась и неслась на их окопы, блиндажи. На немецкие головы сыпались наши снаряды. Как-то они себя чувствуют сейчас?

Не успело взойти солнце, как снова оно скрылось в пушечном дыму. Померкло. И снова день стал похож на ночь.

...Подождали танки. Прошли траншею. Темень. Куда идти – даже так не ориентируешься, не то что в танке, а тут надо провести танки по узким полоскам земли, безвредным для мощных машин, оградить эти машины от смерти. Какая сила воли нужна сапёру, чтоб сидеть на броне «КВ» и указывать водителю путь...

11 августа. В 4 часа – атака. Танки идут на высоту 233,3. Мы вышли в кустарник, к подошве высоты. Окопались. И до позднего вечера наблюдали, как пехота вставала и шла, ложилась и снова шла в атаку. А немцы косили безжалостно полки пулемётами. Четыре атаки четырёх полков захлебнулись в крови.

...Смолкла артиллерия. Не бьют автоматы. Короткая военная передышка. И тихо садилось в смоленских краях на северо-западе солнце. И вдруг эту торжественную тишину нарушило мощное русское «ура» наших штурмовиков. Немцы были застигнуты врасплох. Внезапность решила всё. Штурмовой батальон Белоконя без жертв захватил высоту. Ошеломлённые немцы, побросав котелки, ринулись в поле. Но, опомнившись, пошли в контратаку. Тут уж подняли шумок. Но наши щитки, прикрывавшие грудь, были непробиваемы для пуль автомата и «парабеллума». Не знаю, что думал немецкий офицер, расстрелявший в грудь сержанта обойму «парабеллума», когда этот же сержант ударом приклада размозил ему череп...»

Белоруссия. Ужасы войны

Но даже после коренного перелома

Капитан запаса Николай Васильевич Мельников.

поведёшь нас без винтовок в лагерь? Ведь мы обещали казачкам скоро выручить их из неволи, а ты?

Сдавайтесь? Не для того мне отец говорил, и присягу я принимал, чтоб служить честно, а не быть изменником!

Сдавайтесь? А нам тов. Сталин посылает «Катюши», новые самолёты. Ведь на наших глазах «Мессеры» разлетаются на кусочки. Значит Москва нам всегда поможет. И хлеб будет, и всё будет».

Штурмовая бригада

А в 1943 году началась особая глава этой фронтовой истории: служба в 1-й штурмовой инженерно-сапёрной комсомольской бригаде (впоследствии получившей также наименование «Смоленская» и «Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова»).

Поступив на службу в одну из таких бригад, лейтенант Мельников напишет в дневнике:

«4 июня 1943. Переформирование заключается в том, что нас вооружили автоматами, пулемётами, ПТР-ами и финками. Дали наименование бригаде: «1-я комсомольская инженерно-сапёрная штурмовая бригада РГК». Исходя из этого, наши задачи – действовать в ближнем бою, в непосредственном соприкосновении с противником.

8 июня 1943. Уже начали заниматься. В основу боевой подготовки ложатся задачи, исходящие из штурмовых действий войск. Всё обучение подчинено наступательным, активным действиям, меньше останавливаемся на подготовке личного состава к обороне.

ма, произошедшего летом 1943 года; даже когда перевес в пользу СССР становился всё более явным, — впереди было ещё много дорог, много работы. И горя, и смерти — через край.

«...К этому времени мы вошли в Белоруссию, край, где нет почти твёрдой земли, где каждый шаг танков невозможен без сапёра. Форпостами немецкой обороны стояли Витебск и Орша, они держали нас перед собой с осени 1943 до июня 1944 года...

14 ноября 1943. Самый ужасный день во всей моей военной истории. Ночью начали подходить к передовой соединения танков, пехота. Значит опять наступать... Проклятая Орша! Что это её немец не спалил? Ночью выпал снег, первый снег в Белоруссии. Но он принёс тяжёлый бой, этот снег. Он утром растаял, и получилась самая настоящая грязь, а в траншеях — вода по колено.

В 7 часов утра началась артподготовка. 4 часа били орудия, и наши, и немцев. Весь передний край поднялся в воздух. Вслед за валом огня наши штурмовики пошли в атаку. Пошли очень хорошо, быстро, но... пехота не поддержала, и часть из них попала в плен, часть — убита, и много ранено. Удалось закрепиться всё же в немецкой траншее.

...Ночь. Темнота. Дождь. В окопах — по колено вода, трупы один на одном, даже живые солдаты, по которым идёшь, ибо нельзя вылезти наверх — сам будешь так же лежать; в котлованах для блиндажей склады человеческого мёртвого мяса, есть люди, которые ещё могут жить, надо помочь, но кто поможет? Если б один человек, то помогги б любой ценой, а тут нужна массовая помощь. Идёшь и чувствуешь, как будто под ногами хлюпает не вода, а густая холодная русская кровь...»

«Ужасы войны» — так назвал Николай Мельников одну из глав своего дневника. Горечь и усталость в этом пути, и ветер, и близкая смерть. Откуда было столько силы и мужества у человека, писавшего эти слова — у человека, который был почти на десяток лет моложе меня нынешней? Откуда такая мощь во всём их поколении, которое война застала мальчишками? Откуда берутся у человека силы, чтобы переживать такие времена — и переживать, не опуская рук, не сдаваясь, не прекращая сражаться? Откуда?.. И что бы делали в такие времена — мы?

Великие завоеватели

А потом был марш по Белоруссии, где гитлеровские войска прошли по пути армий Наполеона; где русскую горечь первых дней войны уже начала уравнивать немецкая горечь дней последних.

«2 июля. Утром с Осиповым и Мерзляковым ходили за земляникой. После обеда выехали в д. Свислочь на берегу р. Березина, на ту реку, где когда-то гибла армия Наполеона, где так же сейчас гибнет фашистская армия. Ходили в лес ловить немцев. Раненых очень много, ступить негде; живые — убежали. Раненых выносят на дорогу немецкие санитары, им никто не препятствует.

3 июля. Утром объявили тревогу. Оказалось, что немцы хотели перейти через наш лагерь и выйти на дорогу. Им же приказал Гитлер двигаться группами на запад. Лес и луг прочесали автоматами. Немцев загнали в Березину. Оттуда вытащили уже мирных овечек, бормотавших «капут», «аллес капут». Вот они, великие завоеватели, мокрые с ног до головы, с размякшими по карманам плитками шоколада.

Перед обедом с Мерзляковым переплывал Березину. Переплывал для истории, чтоб рассказать, что и «мы пахали» на этой исторической реке».

«Мы победили!»

Потом — полное освобождение родины, потом — Польша, Германия, Данциг, форсирование Одера, — об этом написано уже сбивчиво и коротко.

Советские войска наступали, фронт стремительно катился к Берлину, и, наверное, автору дневника уже не хотелось делать подробные записи: хотелось как можно быстрее идти вперёд, на Запад, к единственной, к самой желанной цели.

А потом была победа

«9 мая. Вот, всё, что хотели — достигли! Не гремят орудия, не строчат пулемёты, не льётся кровь... Вместо бесконечного грохота наступила торжественная тишина! Мир! Победа! Разбит противник, Германия повержена и капитулировала, Жуков заставил подписать Кейтеля акт о капитуляции в Берлине, в Инженерном училище. И как это всё неожиданно! И удивительно! Вчера война, сегодня — жизнь, мир. Можно ли поверить тому, что произошло, что достигли за 4 года борьбы? Лишь в памяти со-

хранятся бессонные ночи, атаки, штурмы высот, танковые десанты, мины, сырые и холодные землянки, — мы жили ими эти годы и теперь, вот сегодня, можно вылезти из окопа, из блиндажа, из подвала, дзота и улыбнуться той улыбкой, какой может улыбаться человек, не улыбающийся всю войну! Что там улыбнуться, рассмеяться по-русски и крикнуть в глаза Европе, миру: «Вот мы — русские, мы — всё одолели! Мы победили!»

Никого не узнать. На немецких улицах, в лесах, в домах, в полях встретили победу солдаты. Некоторые плакали, некоторые бросались в объятия друг другу, и в небо неслись стужки трассирующих пуль, как цветные ленты, как салют фронта, в небо...

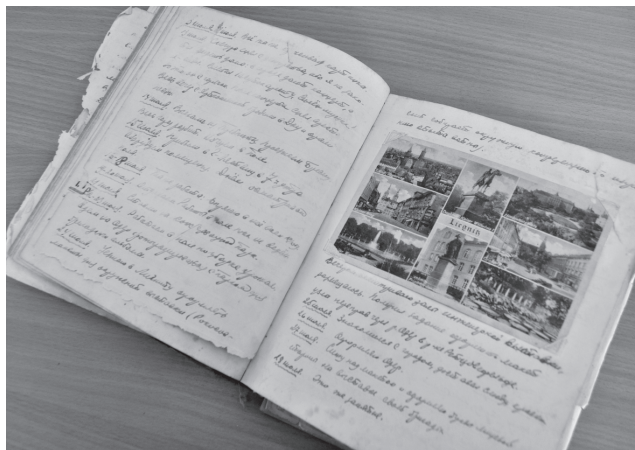
«Дорогой в Берлин» назвал свои дневниковые записи 21-летний старший лейтенант Красной армии — армии победителей. И второй после войны темой дневника стала — дорога. Да и кому, как не солдатам инженерно-сапёрных войск было лучше знать эти самые фронтовые дороги — переправы, понтоны, настилы — долгий путь к Победе, выложенный их руками, день за днём, метр за метром. По горным тропам Кавказа, по белорусским лесам и болотам, по дорогам Польши и Германии прошли свой путь к победе сапёры-штурмовики, и с ними — Николай Васильевич Мельников, мой дедушка, молодой лейтенант, из тех, что «подняв ТТ, в атаку первыми бросали юные тела».

Правда, Берлина он всё-таки не увидел, окончив войну в небольшом немецком городе Кобленце.

В Берлине бываю уже я, почти через 70 лет после войны — приеду из Польши всего на один день. В 2014 году я пройду под Бранденбургскими воротами и выйду к Рейхстагу, — и задохнусь от счастья, и едва не заплачу. Так сильна и бессмертна в нас эта война — даже через два поколения, даже через 70 лет.

Война — окончена. Её солдаты уходят вслед за ней, примыкая к рядам своих, навсегда молодых, фронтовых товарищей.

Но навсегда остаётся память о войне, переживающая всё. Память, вьющаяся в нас, как чернила в страницы старого дневника.

1941 год, июль.

Моя бабушка Анна Ивановна Ерёменко прожила в Новгороде последние 10 лет своей жизни.

Что успела, то мне и рассказала.

Плохо слушал я её, ещё хуже запоминал: казалось, что бабушка будет всегда, и я ещё всё успею.

Не успел.

И теперь записываю, что запомнил.

Прожила она долгую - 81 год - жизнь.

И было в этой жизни всякого - доброго, злого, счастливого, горького.

А начиналась жизнь Анны в суровые годы Гражданской войны в России...

Илья Симонов, выпускник ИГУМ НовГУ

ФРОНТОВАЯ МЕДСЕСТРА

1927 год. Беженка

- Беженка! Беженка! - Пацан, сидя на плетне, кривлялся и показывал язык. Смуглая, тощая семилетняя девочка сделала вид, что не слышит, потом развернулась и кинулась на обидчика.

- Оставь его, Нена! - Спокойно сказала женщина, выйдя на высокое крыльцо большого добротного дома.

- А чего он беженкой дразнится! - Нена уткнулась в материнский подол.

- Бегаешь быстро, потому и беженка. - Мария Ивановна отстранила девочку. - Полно собак гонять. Иди, накорми поросят.

Нена подхватила, забежала в сени, потом на кухню, кряхтя, подняла чугун с мелкой вареной картошкой и потащила во двор. Опрокинула его над корытом, но не до конца. Оглянулась на кухонное окно, быстро и как бы незаметно подхватила ручонкой подол старенького платья и сыпала в него остаток картошки. Два поросенка и свинья пошли, похрюкивая, к корыту. А Нены уж и след простыл: рванула к соседнему дому, к подружке Клаве. Влетела в сени, бегом на кухню - и вот добыча из подвала высыпана на стол. Клава и малышня стали быстро хватать еще тёплые картошки, нечищеными кидать в голодные рты.

Хорошо было Ненке: у них и дом справный, один из самых больших на Малой Ямской улице, мать подрабатывает шитьём, а главное - отец работает на железной дороге, получая неплохие по тем временам деньги. К тому же Нена - единственный ребёнок в семье.

Единственный. А то, что не родной, так об этом Нена всё-таки узнала: «добрые» люди не сразу, но всё-таки разьяснили, почему её беженкой дразнят.

...Советско-польская война 1919-1921 годов. Тогда шли через Россию с западной границы на восток запертые вагоны. Кто там был, за что - неведомо. Только открыли железнодорожники один из вагонов на станции Вязьма, что на Смоленщине, и сразу кинулись за милицией: пол «столыпинского» вагона был устлан людьми. Только вот живых среди них не было. Правда, когда стали трупы выгружать из вагона, услышали не то стон, не то писк: мальчишка лет восьми в забытых постанывал, прижимая к себе сверток. Разжали слабые ручонки, развернули тряпки, а там девочка. Живая.

Отправили ребятшек в больницу, а потом по разным детским домам: мальчика (вроде бы Сережей звали) к школьникам, а девочку, худенькую до дистрофии, чернявую, как галчонок, забрал дошкольный детдом.

Но недолго она там задержалась. Бездетная зажиточная семья - Иван да Мария Ивановы - решила усыновить ребенка. Лучше мальчика.

- Пойдёмте, я вам покажу детей, - воспитательница приветливо улыба-

нулась, - они сейчас в комнате.

Иван остановился у порога, Мария прошла на середину комнаты. Вдруг мимо неё, покачиваясь на неокрепших ножках, торопливо просеменила крошечная черноголовая девчушка и с разбега обхватила колени мужчины:

- Папа! Папа!

Маленькие ручонки вцепились в брюки, лицо опрокинуто вверх, черные глаза стали совсем бездонными и как бы кричали: «Узнай меня, узнай!». Воспитательница всплеснула руками, попыталась оторвать девочку. Но Иван прикрыл худенькие плечи ладонями: «Оставьте».

Так безымянная девчушка, у которой и день рождения был придуман 31 декабря 1920 года, - мол, подарок под Новый год, - и возраст условно определен врачами - три годика, - стала Анной Ивановной Ивановой.

1934 год.

«Хочешь сниматься в кино?»

Что за фильм снимали в Вязьме, бабушка уже не помнила. Только приехала в маленький городок шумная киношная группа и сама Ладынина (!!!) с ними. Старшеклассников, а тогда это был 7-й класс, пригласили на массовку - изображать молодежное гуляние. Аня, которая неплохо пела и с упоением танцевала, оказалась в гуще событий. А кадр, на котором она, заодно хохоча, трепала за чуб своего ухажёра, остановил внимание режиссёра.

- Ну-ка, ещё разок! Неплохая фактура... Как тебя зовут? Аня, говоришь? Тебе, девочка, надо учиться. Актрисой станешь. А мы поможем поступить в тот самый московский кинотехникум, в котором училась Ладынина.

На крыльях летела Нена домой. Рванула дверь:

- Мама! Я буду сниматься в кино!

В ответ - словно ушат холодной воды, - слова Марии Ивановны:

- В нашей семье ни проститутток, ни б... не было!

Сказала, как отрезала. И определила свой путь - в акушерско-фельдшерский техникум, здесь же, в Вязьме:

- Дело верное, всегда при работе будешь.

Ну, что же. Училась Нена ни шатко, ни валко. Знания приобретала. Но особой любви к профессии милосердной не появилось. Может, потому и не любили её уколы больные: «Рука у тебя «тяжёлая», Аня!».

А жизнь шла. Умер отец. Мама погоревала-погоревала. Но пришёл к ней свататься мужчина - работающий, правда, младше её лет на восемь. И вышла Мария Ивановна за него замуж.

Нена же замуж не торопилась. Хотя многие заглядывались на бойкую черноглазую девушку.

1938 год. Устрицы

Выпускной вечер в техникуме был как у всех: светлое, почти белое, ситцевое платье, тапочки, начищенные до небывалой белизны зубным порошком, диплом специалиста, танцы в тесном классе, рассвет у Вязьмы-речушки... Что дальше?

Аня недолго думала: видела, как цепко, оценивающе поглядывал на неё молодой отчим, и косые взгляды матери. Подговорила подружку Клаву вместе ехать по комсомольской путевке на Север. И вот, получив направление и «подъемные», в июле 1938 года отправились девушки в далекий город Молотовск, нынче Северодвинск.

Ехали, естественно, через Москву. Напоследок решили прокутить оставшиеся деньги - пошли в ресторан.

- Что заказывать будем? - Зашептала сконфуженная Клава. - Названия все незнакомые. Нена, погляди, что вон тот дядечка солидный заказывает?

Аня прислушалась. Так, это понятно, и это. А вот это не очень - устрицы. Но что-то, кажется, знакомое.

- Берём эти устрицы?

- Берём! - Храбро согласилась Клава.

Официантка поставила на стол блюдо с непонятными устрицами. Аня искоса поглядывала на дядечку, делая вроде всё, как он. Вот уже устрица во рту. Аня смело сжала зубы и... с вытаращенными глазами устремилась вон из-за стола: устрица отчётливо и противно запищала во рту! (Откуда же Нена могла знать, что устриц не жуют с раковинами, их просто глотают!). Потом девчонки долго хохотали над собой. А вкус, вернее, писк устриц звучал отчётливо в ушах Анны Ивановны и в 70 лет!

1938 год. Лагерь для ЧСИР

Молотовск (теперь Свердловск) встретил подружек холодом: на берегу Северной Двины, у самого Белого моря лето короткое. И часто совсем нежаркое. Холодно стало подружкам не только от погоды, но и от распределения: их направили работать в лагерь, где держали членов семей изменников Родины (ЧСИР). Правда, идеологическое воспитание было в то время поставлено крепко. И девчонки приняли как данность существование этого лагеря. Как и то, что язык следует держать за зубами. Так что рассказ об этом лагере бабушка «озвучила» после приезда в Новгород:

- Мне дали в помощь, вернее, поставили санитаром седого и солидного человека. Язык не поворачивался называть его «дядечкой» или санитаром и давать задания - мол, вымой пол, прокипяти инструмент. Я ведь быстро узнала, что это известный профессор-медик, не чета мне, девчонке. А он успокаивал: ничего, Аня, ты говори, что надо. Я сделаю. Ведь, если меня переведут из медсанчасти, хуже будет.

Так и работала Аня. (Правда, ни одной истории о тех, кто был в лагере, теперь не пересказать: ушли они вместе с бабушкой, да и не припомню, были эти рассказы или нет - человек часто из памяти выбрасывает плохое!).

Жила Аня с девочками в общежитии. Зарплата была маленькая. А хотелось одеться-обуться. Вот и складывали они деньжонки в кучку, и каждый месяц что-нибудь кому-нибудь покупали.

1925 г. Аня с матерью (справа), тётёй Евдокией и двоюродной сестрой Тамарой.

...Город Молотовск всяким был. То есть, жили здесь разные люди: и местные жители, и поселенцы - из лагеря освободили, но домой не пускают, и уголовники. Как-то Аня ехала в автобусе. Смотрит, а какой-то парень лезет к женщине в сумку. Аня глаза вытаращила, только рот раскрыла - закричать, предупредить - как увидела нож в руках у парня. А тот на Аню так пристально поглядывает, да ножиком поигрывает. Что делать? Ане вот-вот выходить, на улице темно - началась полярная ночь. А ну как пойдет за ней? Испугалась девушка, промолчала...

В самом Молотовске, как во многих городах Архангельской области, были частные деревянные дома, улицы и тротуары из брёвен да досок, множество барачков - одноэтажных и двухэтажных. И никакой горячей (и холодной тоже) воды в доме. Удобства - на улице. (Кстати, в похожем барачке и бабушке, и моей маме-дочке довелось пожить после войны - всё в той же Архангельской области, в военном посёлке Васьково).

1941 год. Война

Конец июня в 1941 году на Белом море выдался на редкость теплым.

Самые смелые даже открыли купальный сезон. Аня с подружками и другом Андреем отправились на море. Ясное синее небо. Белый песок. Яркая в начале лета зелень. Говор, крики, смех. Кто играл в волейбол, кто загорал на песке. Аня с Андреем пошли по мелководью в море. Вдруг их установил резкий, переходящий в рыдания крик. Повернули к берегу. А там - суeta, все куда-то торопятся, машут руками, что-то кричат. Порыв ветра донес: война, война...

Так закончилась эта жизнь. И помчались дни, как минуты. Сначала в военкомат, получить предписание. А через неделю - посадка в эшелон. Но сначала Аня проводила на фронт Андрея. Письмо от него успела получить одно - с номером полевой почты. Ответила, сообщив свой военный адрес. И почти сразу пришло письмо от однополчанина Андрея со скупыми словами: «Пал смертью храбрых...». Овдовела, не успев стать женою. Но некогда было и поплакать. Медиков первыми призывали в армию, отправляли на фронт.

1942 год. Заговорённая

...Вечер. У землянки разложены костерки. Тихо, что редко бывает на передовой. Сидели у костра несколько солдат. И Аня с ними. Негромко разговаривали, посмеивались чему-то. Вдруг Аня наклонилась: не то сапог хотела поправить, не то ветку подбросила в огонь. А когда выпрямилась, увидела: солдат, сидящий прямо напротив неё, вдруг стал заваливаться на бок, а во лбу у него появилось маленькое круглое отверстие. Замершие от неожиданности солдаты потом сообразили: рядом был снайпер и целился он прямо на Ане в затылок. Наклон к костру только и спас её.

Были и другие случаи. Как-то сидела Аня в землянке, прислушивалась к недалёким разрывам: их передовую обстреливали фашисты. Вдруг совершенно необъяснимо потянуло Аню выбраться из подземного жилища. Вышла она на улицу, отошла в сторону, и вдруг - оглушительный разрыв, столб пламени, и... нет землянки.

Или вот ещё. Это было, когда в 1942 году Харьков так неудачно Никита Хрущев брал. Полевой госпиталь разместился в просторной хате. Во дворе стоял грузовик, неподалеку - телега, рядом лошадь. Деревья росли, большие, раскидистые. Вроде как черешни старые или яблони. Аня сидела на лавочке у хаты. И только встала да пошла к дереву, как у самого порога хаты рвануло: снаряд откуда-то прилетел. Да так сильно рвануло, что бойцы сразу на землю кинулись - не бомбежка ли? Пришли в себя, стали кобылу ловить, друг друга пересчитывать. Ани и не досчитались. Крутят головами, ищут в воронке изпод снаряда, а там только щепки от лавочки. Вдруг - стон. Голову подняли, а на дереве она, их фельдшерница. Без сознания, но живая.

Потом уже врач сказал, что опять-таки повезло - Аню взрывом сразу забросило на дерево, получила легкую контузию, да осколком снаряда как бритвой срезало волосы почти на макушке - так и пряталась до старости под волосами маленькая розовая проплешина без волос. Зато осталась жива, без увечья.

Сохранила Ане жизнь и её боязнь высоты. В 1943 году в ходе битвы за Днепр готовился воздушный десант в тыл немецких войск. Набрали команду, нужен был фельдшер. Назначили Аню. Она не отказывалась. Как все прошла подготовку на земле, научилась складывать парашют, освоила теорию приземления. Теперь тренировочные прыжки с вышки. Она только стала на край площадки и глянула вниз, как побелела и стала падать. Хорошо не с вышки, а на руки солдатам. Оттащили в сторону, помахали перед лицом газетой. Аня в себя пришла и решила всё-таки прыгнуть. И снова - на край вышки. Тут уж она и глянуть вниз не успела, как снова земля с небом местами поменялись, и оказалась «парашютистка» на полу. Пришлось заменить фельдшерицу: ну как при десантировании сознание потеряет, кто её там откачивать будет? Так без Ани и выбросили за Днепр десант - где-то с 24 сентября по 28 ноября 1943 года. Да только расстреляли его весь ещё в воздухе. Ни один парашютист не долетел живым до земли.

Анину везучесть быстро приметили. И как только она почему-то покидала палатку, землянку или место у костра, за ней торопливо тянулись и другие.

1943 год. Курская Дуга

Эту битву Аня прочувствовала вполне: пришлось на передовой из одной воронки в другую переползать, а где и перебежать, пригнувшись. Благо худенькая была, юркая.

А вот битву танков наблюдала через перископ, из окопа. Было не очень страшно, пока не увидела, как сошлись врукопашную танкисты из подбитых танков: перекошенные лица, рты, открытые в беззвучном вопле. На передовой стоял такой гул и гром, что в окопе друг друга не было слышно.

Кстати, потом вспоминала бабушка,

что не так уж часто слышала «За Родину, за Сталина», хотя и это было. Чаше такой мат стоял, когда наши шли в атаку!

1944 год. Вильнюс

Вильнюсская военная операция советских войск проводилась войсками Третьего Белорусского фронта 5-20 июля 1944 года под командованием Черняховского. Аня уже была в Вильнюсском госпитале. По сравнению с передовой работа здесь в была для Ани передышкой. Подружкам писала - «Привет из города Вильно!»

И почему-то от этого периода осталось больше фотографий, чем рассказов. Вспоминает, что ухаживали за ней, что пела охотно раненым. Пела Аня хорошо, чуть-чуть подыгрывая себе на гитаре. И фотография есть: с гитарой в руках, напевает что-то. *(Голосок у бабушки был небольшой, но приятный, всю жизнь она охотно пела - в компании, дома за вышиванием, потихоньку за домашней работой, когда стала совсем уже старенькой).*

1945 год. Кёнигсберг

Война на Восточном фронте для Ани закончилась в Восточной Пруссии, в Кёнигсберге. Операцией «Штурм Кёнигсберга» руководил Маршал Василевский, возглавивший 3-й Белорусский фронт. Ане город запомнился большим количеством раненых: бегала под огнём от одного к другому, перевязывала, вытаскивала из-под обстрела. Время было весеннее, апрель в тех краях уже с цветами, но земля сырая, взрывами поднятая...

...А когда приехала Анна Ивановна в Калининград в 1988 году - ничего не узнала! Только вспоминала, как обьявили, что война закончилась:

- Была ночь ли, раннее ли утро. Только я спала. Вдруг - шум, крики, стрельба из автоматов. Я перепугалась - неужели немцы к госпиталю прорвались? Вскочила из палатки - а по небу трассирующие пули и крик: «Победа! Победа!»

1945 год. Дальний Восток

И вновь застучали колёса, замелькали полустанки - полк, где служила Аня, перебрасывали на Дальний Восток.

Это был город Биробиджан. Чувствовалось, что война вот-вот закон-

чится. Здесь и познакомилась Аня со своим суженым - Николаем Петровичем Ерёмченко. Старший лейтенант всю войну был в тех войсках, что охраняли страну на Дальнем Востоке: мир там держался на волоске. Или на штыках приграничных войск?

Время шло. Однажды прислал Николай к Ане своего ординарца за её чемоданчиком с вещами. Так было сделано предложение. Вскоре родилась у них девочка - маленькая, чёрненькая как птенец галки. И так же широко разевала свой ротик. Назвали девочку Галочкой-Галиной. Второй дочкой стала моя мама...

Но это уже другая история...

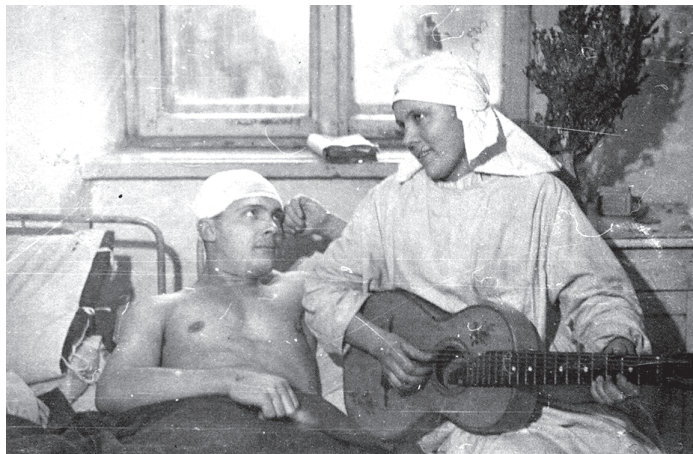
□

Фото внизу слева:

1944 г., декабрь, г. Вильно. Эвакогоспиталь 4844. Раненый — старший лейтенант Борис Жобинский. Медсестра — Анна.

Фото внизу справа:

Кёнигсбергская операция [6-9 апреля 1945] известна под названием «Штурм Кёнигсберга». Это военная операция для ликвидации кёнигсбергской группировки противника и захвата города-крепости Кёнигсберг, часть Восточно-Прусской операции 1945 года. По завершении операции многие части были переброшены на Дальний Восток и участвовали в войне с Японией.

БОЛЬНИЧНЫЙ ГОРОДОК В КОЛМОВЕ: ЖИЗНИ И СУДЬБЫ

Я, Валентина Ивановна Глухова, коренная новгородка. Здесь училась, работала в редакции областной «Книге Памяти», а дочь окончила НовГУ. Жизнь моей семьи тесно переплетена с историей Великого Новгорода, отдельная трагическая страница которой для моих родных — военная пора. Этот рассказ написан по моим воспоминаниям о разговорах с родными, со слов моей мамы, Веры Николаевны Федоровой (девичья фамилия Столярова), и по документальным источникам. Мама родилась в 1926 году, перед войной семья жила в Колмове, тогда пригороде Новгорода. Ей пришлось пережить оккупацию, и впечатления от пережитого оказались настолько сильными, что она вновь и вновь возвращалась в своих воспоминаниях к ним. Часто повторяясь, она каждый раз припоминала новые детали, называла новые имена.

Больница в пригороде Новгорода Колмово в дореволюционной России являлась своего рода всероссийским научно-исследовательским центром в области психиатрии. Начало XX века было для Колмовской психиатрической больницы временем расцвета и высоких достижений.

Проводились серьезные научные эксперименты по лечению хронического алкоголизма, штатное количество мест для больных было 400 в 1900 году; потом 580 в 1905, в 1906 году было 560 мест.

В последующие годы и в советское время коечный фонд больницы был до 600 мест.

С 1923 по 1940 год главным врачом больницы был известный российский психиатр Аркадий Александрович фон Фрикен.

Перед войной Колмово представляло собой больничный городок, в котором располагалась Ленинградская областная психиатрическая больница № 1. При ней было большое подсобное хозяйство с огородом и скотным двором.

На старой фотографии были запечатлены жители довоенного Колмова. Среди них — главный врач психиатрической больницы А.А. фон Фрикен, врачи, медсестры, санитарки, просто колмовчане с детьми. И даже кто-то из больных пристроился сбоку. По одному этому снимку можно судить, что люди здесь не обособлялись, а жили общими делами и заботами. Здесь в согласии уживались русские, евреи, поляки, немецкие колонисты, татары.

До войны семья Столяровых жила в больничном городке, где проживали, в основном, работники больницы и их семьи.

У Натальи Матвеевны было трое ребят мал мала меньше — Ольга (моя бабушка), Екатерина и Алексей, когда семья осталась без кормильца. Смерть отца Антона была страшной и мучительной: когда он работал на скотном дворе, его забодал бык и долго глумился над телом, подбрасывая рогами и закидывая навозом. Матери пришлось одной поднимать детей. Всю жизнь она проработала на кухне в Колмовской психиатрической больнице простой кухаркой.

Дети от природы были талантливы: сами научились игре на балалайке, мандолине и гитаре; Алексей смастерил гармонь и играл на ней, освоил столярное дело и делал диваны, шкафы, комоды; Ольга вязала крючком; Екатерина так хорошо шила, что её называли белошвейкой. А когда они выходили плясать, то зрители долго вызывали их на «бис».

Старшая из детей Столяровых Екатерина Антоновна Королюкова, санитарка Колмовской психиатрической больницы, жила с детьми Катей и Василием в Колмове, в коммунальной квартире. Соседями Екатерины по кухне были Рабиновичи — Эмилия Борисовна, медсестра зубо-врачебного кабинета Колмовской больницы, её мать и восьмилетняя большая непоседа и проказница дочь Фридошка. Отца девочки, врача, в 1937 году по доносу арестовали, а затем расстреляли.

Жили соседи дружно, готовили на одной кухне. А когда началась война, то обе семьи не смогли уехать в эвакуацию.

«Война! Война!»

Великая Отечественная война перевернула всю жизнь колмовчан.

22-го июня 1941 года в воскресный день люди отдыхали, окна открыты, у многих работало радио. Ребята собрались на улице, обсуждая, как проведут выходной. Вдруг из дома выбежал Володя Шаров (*брат нашего прославленного земляка, Героя Советского Союза Алексея Шарова*) и закричал: «Война! Сейчас по радио передали!».

К сентябрю 1941 года в Колмове были не только психические и другие больные из окружающих населённых пунктов, но и мирное население, которое выехало туда из разрушенного Новгорода и размещалось в многочисленных зданиях посёлка.

О трагической истории больницы и о многочисленных жертвах в годы Великой Отечественной войны сейчас известно многое.

Вплощадь расистскую теорию, гитлеровцы пациентов психбольницы уничтожили. Кого-то вывезли за город, при этом некоторые из них догадывались, что их убьют, по словам моей мамы Веры Николаевны, выкрикивали вполне осознанные антифашистские лозунги.

Правда, после войны эти воспоминания никакие документы не подтвердили. Зато все свидетели сходятся в одном: практически все пациенты Колмовской психиатрической больницы, более 800 больных, были уничтожены: по архивным данным одни получили смертельные инъекции, другие зимой 1941-1942 года умерли от голода.

Жители Колмова, как и Новгорода, перед приходом немцев в основном были эвакуированы, но многие остались в оккупированном пригороде, как и пациенты больницы. В архивах ФСБ есть записка, поясняющая, как это случилось. В справке от исполкома Новгородского горсовета трудящихся депутатов говорится, что пациенты психиатрической больницы не были вывезены вглубь страны из-за отсутствия транспорта.

Был приказ – остаться

С первых дней войны началась эвакуация жителей Новгорода и ценного имущества. На Урал эвакуировались все в одном составе. Деньги были у начальства. Перед эвакуацией на весь персонал больницы была получена зарплата. Но деньги тем, кто остался, не выдали и уехали.

Валентина Николаевна Сальникова (Столярова), старшая сестра Веры Николаевны, рассказывала, что в дороге вначале работникам давали понемногу денег на продукты, а потом перестали. Валентина уехала с отцом Николаем Ивановичем Соколовским, главой семейства Столяровых: он не подлежал призыву по возрасту и ушёл было в партизаны, но был ранен и перед эвакуацией вернулся домой. Он

звал с собой домашних, но тёща Наталья Матвеевна боялась послушаться начальства (персоналу колмовской больницы было дано распоряжение - не покидать больных), плакала, буквально кидалась на землю и просила Ольгу остаться. Так рядом с теми, кто решил до конца исполнять свой долг, остались пятнадцатилетняя Вера с мамой Ольгой Антоновной, тётя Екатерина Антоновна Королькова и брат Алексей Антонович Пензин с женой Марией Николаевной и детьми.

Приказ, запрещающий персоналу больницы покидать больных, некоторые колмовчане проигнорировали и уехали. Моя мама, Вера Николаевна, помнит, что из врачей уехали Степанов, Вейхер и другие (их фамилии мама не помнит), а с больными осталась врач Ольга Васильевна Передольская, которая оказывала жителям, оказавшимся в оккупации, медицинскую помощь, некоторые медсестры и санитарки.

Жители Колмова наблюдали, как по Волхову проплывают баржи с эвакуированными новгородцами. Последнюю баржу разбомбили как раз напротив больницы.

- Запомнилась молодая красивая женщина, - рассказывала Вера Николаевна, - ей осколком выбило глаз, но она не только выплыла сама, но спасла и своего сына-подростка. После войны мне довелось встречать её в Новгороде.

Кстати, оставшиеся впоследствии держали ответ уже перед нашими властями: люди, пережившие ужас оккупации, работавшие на восстановление Новгорода, не получали даже хлебных карточек! Знаю это не понаслышке, а по своим родным.

Оккупированы

Первыми в Колмове появились на мотоциклах каратели с металлическими бляхами на груди. Так как Новгород в результате авианалётов был почти полностью разрушен, а Колмово пострадало меньше, то в колмовской церкви Успения Пресвятой Богородицы расположился немецкий штаб. В больничных корпусах поместили госпиталь для раненых фашистов, отдельно - для раненых совет-

ских военнопленных. Медицинский персонал в большинстве был из числа врачей, работавших в здесь до оккупации.

Госпиталь для советских военнопленных располагался в здании бывшего хирургического корпуса, который теперь соединён с новым корпусом стеклянной галереей. В правом крыле лежали гражданские тифозные больные, в левом - пленные, привезённые из-под Мясного Бора и из лагеря, разместившегося на территории Черепичного завода, который был в полукилометре от Колмова.

Ольга Антоновна с сестрой Екатериной работали в госпитале для военнопленных. Пленные были крайне истощены, многие болели дизентерией, от гражданских больных заражались ещё и тифом.

Кормили их плохо, в основном квашеной капустой, что лишь ухудшало их состояние. Санитарки и медсестры приносили больным солдатам из дому чего-нибудь поесть. Часто это был просто кусочек хлеба. Но всех накормить не могли, ведь сами жили впроголодь.

Завхоз колмовской больницы Иван Петрович Моногаров отпускал работникам госпиталя паёк: на неделю на человека давали полбуханки хлеба с опилками, немного маргарина и сахарного песка.

Был Моногаров недобрым, язвительным, часто издевался над теми, кто стоял за продуктами: бросал еду на пол, всячески старался их унижить. Жена его стояла рядом и посмеивалась - они-то были сыты. Говорили, что Моногаров был одним из непосредственных исполнителей, участвовавших в уничтожении пациентов психиатрической больницы.

Столяровы жили рядом с хирургическим отделением и видели, что очень много военнопленных умирало, умерших носили в покойницкую - деревянный дом рядом с церковью. Когда скапливалось много трупов, то за церковью на кладбище взрывали землю и хоронили всех в одну яму.

Пленных выводили гулять в больничный сад, огороженный деревянным забором, до войны - Филистин сад. Видимо, по имени бывшего его владельца Лидии Филистинской.

Последнее время некоторые новгородцы утверждают, что в Колмове был концентрационный лагерь, а мама говорит, что концлагеря не было, т.е. не было планового уничтожения пленных, не было вышек с охраной и т.д.

Новгород пылал

В первые месяцы войны ребята и взрослые ходили на горящие склады в поисках продуктов. Где-то в районе бывшего завода «Волна» пылала пекарня.

« - Меня прежде не пускали, - рассказывала Вера Николаевна, - боялись, но я всё-таки пошла. Было темно, задыхаясь от дыма, прикрывая рот и нос одеждой, мы все пробрались в горящее помещение.

Саша Пензин перочинным ножиком протыкал мешки - искал сахарный песок. Нашёл, и они с мамой этот мешок дотащили до Колмова. По «большой» дороге (так колмовчане называли Ленинградское шоссе) тянулись сгорбленные под тяжестью мешков, коробок с продуктами дети и женщины. Каждый старался взять побольше, но многие, не рассчитав силы, бросали часть поклажи по дороге. На обочине встречались коробки с изюмом, отсыпанные из мешков крупа, мука...

Не всегда вылазки заканчивались удачно. Обернувшись трагедией для ребят очередной поход. Санитар Смородин, парень Костя Егоров и мальчишки Костя Басов (1923 года рождения), Саша Пензин (1922), Вася Корольков (1926) и Женя Ковецкий (1925) пошли в горящие склады за продуктами. Мимо проезжала немецкая машина, фашисты при тормозили: «Русские партизаны!». Ребят погрузили в машину, вывезли за город, к деревне Кречно, и у реки Питьбы их расстреляли.

Один Женя Ковецкий остался жив: он был маленького роста и сильно плакал. Фашисты дали ему пинка и отпустили, сказав: «Иди к мамке!». Он и рассказал о случившемся.

Расстрелянных ребят сбросили в реку. Труп Саши Пензина прибило к берегу, его подобрали и похоронили муж с женой, которые жили поблизости. Мужчина взял Сашины перочинный ножик и ботинки. Отец Саши Алексей Антонович и тётя Екатерина Антоновна позднее узнали его вещи. Они сходили на могилу, откопали труп, оторвали лоскут от брюк, оттирали и по нему узнали, что это - Саша: эти коричневые брюки шила ему мать...

Добытые на горящих складах вещи, посуду, домашнюю утварь и что-то из личных вещей жители оккупированного Колмова ходили менять на продукты в ближние деревни, в Поозерье.

Такие походы тоже были далеко не безопасны. Часто немецкий патруль задерживал, изымал продукты, а людей на несколько дней помещал в городскую тюрьму. Потом, правда, выпускали.

- Однажды зимою мы с тётушкой Екатериной Антоновной, - вспоминала Вера Николаевна, - обменяв вещи на продукты, возвращались домой. Время было позднее. Санки, на которые были погружены продукты, сломались. Вначале я пробовала тащить их за веревку, а тетушка толкала сзади и сердилась: «Верочка, ты совсем не стараешься». Когда увидели поломку, то решили заночевать в деревне. Но никто их на постой не пустил.

Деревенские жители были запуганы: им под страхом смерти запрещалось оставлять на ночлег кого бы то ни было. Тогда тетушка стала уговаривать деревенского мужика, у которого была лошадь, довезти их до города. Он тоже боялся: время позднее, близок комендантский час, а ведь надо ещё возвращаться. Но тетушка уговорила его, пообещав отдать самовар и бабушкин полушубок.

Мужика оставили ночевать у себя, хотя это тоже был большой риск: не-

мецкий патруль мог заметить лошадь и принять постороннего мужчину за партизана. Тогда не поздоровилось бы всей семье, в живых никого бы не оставили.

Мама потом плакала: жалела и самовар, и шубу - они жили бедно, и эти вещи для них были дороги.

В Антонове перед войной было какое-то подсобное хозяйство. Урожай овощей в 1941 году был богатый. Взрослые и дети, пользуясь случаем, собирали их. Как-то раз, перебившись через реку, ребята вышли в поле. Вдруг почуяли резкий характерный запах - в канаве у дороги лежали не зарытые трупы наших солдат, сверху - лейтенант.

Заставляли работать

Оказавшихся на оккупированной территории работников больницы немцы определили на разные работы в госпиталях. К трудовой повинности были привлечены подростки и дети постарше. Местных мальчишек-подростков немцы заставляли дежурить на крыше - тушить зажигательные бомбы. Девочек, в том числе Веру, заставляли работать в госпитале для фашистов:

- Мы с подружкой Соней работали санитарками, - рассказывала Вера Николаевна, - чистили картошку для госпиталя, мыли-тёрли песком полы, пилили дрова, а мальчишки их кололи. Когда раненых немцев из-за Волхова поступало мало, то немцы относились к нам сносно, давали поесть. А когда раненых привозили много, то немец-медбрат (мы звали его Бена - искажённое немецкое имя) сердился и, брызгая слюной, кричал: «Вы парти-

занки! И Соню, и Веру надо повесить на березе!».

Когда заставляли перебирать в подвале картофель, то все старались припрятать немного клубней в одежде и унести домой - время было голодное. Однажды Паня Пикалёва положила в карманы несколько картофеля, немцы обнаружили это и в наказание избили её.

Врачиха немка показывала фотографию повешенной девушки Вали Матвеевой, которая украла у немцев несколько посылок из Германии. Девушку повесили, сфотографировали и для устрашения показывали русским фотографии: «Мы, немцы, не любим тех, кто ворует. Украдете, то же будет с вами» - говорила немка.

Немецкий госпиталь был переполнен, больничные койки размещались в два яруса, на верхние помещали легкораненых. Велика была смертность. Зимой трупы немцев складывали в коридоре до потолка.

Женька, местный мальчишка, принесил домой сапоги с замерзших немецких трупов.

Когда его спрашивали, как ему удалось снять сапоги, то он говорил, что вначале ноги отпиливали, а потом уже стаскивали сапоги. Девчонки слушали его со страхом. Немецкое кладбище было у переезда, где сейчас находится завод «Трансвит». На могилах фашисты ставили высокие березовые кресты.

Могли сжечь заживо

В подвале госпиталя было оборудовано бомбоубежище, куда колмовчане прятались при авианалётах. Однажды после очередного ночного налета нашей авиации немцы заподозрили, что кто-то из русских подавал летчикам сигналы фонариком. Жителей согнали в барак. У дверей встали немецкие солдаты с автоматами. Принесли канистры с бензином и объявили: если не признаются, кто сигнализировал, то всех сожгут заживо.

К счастью, тогда все обошлось: каким-то образом фашистам стало известно, что по Колмову проезжал немецкий мотоциклист, у которого была включена фара, чем он и спровоцировал налет. Людей отпустили.

Немцы, когда им надо было переправиться через Волхов, чтобы обезопасить себя при налете советских самолетов, сажали с собой в лодки детей и взрослых жителей Колмова и переплывали через реку в Антоново. Но лодки все равно обстреливались.

Жители Колмова по-разному относились к оккупантам. Алексей Антонович Пензин немцев откровенно презирал и не скрывал этого. Когда случались налеты нашей авиации, он кричал: «Вдарьте, ребята, хорошенько!».

Однажды кто-то из немцев бросил окурочек и показал проходившему мимо Алексею подобрать, на что

Вера Николаевна Фёдорова (Столярова).

тот ответил непристойным жестом, похлопал себя по штанам, достал пачку своих папирос и демонстративно закурил.

Были и предатели

По доносу были арестованы коммандант и молодая коммунистка (фамилию не помню) с сыновьями. Был арестован беспартийный дядя Костя Алексеев - за что его арестовали, непонятно: он слыл безобидным человеком, увлекался рыбалкой.

Говорили, что весной 1942 года тётка Н. выдала двух партизан - Веринного дядю Михаила Ивановича Соколовского и Владимира Петровича Пикалёва. Когда они ночью пришли повидать родных, их арестовали и расстреляли у деревни Жестяная Горка. Об этом родственникам рассказали раненые военнопленные, попавшие в госпиталь из Мясного Бора: они были очевидцами того, как партизаны сами себе копали могилы и просили военнопленных, если те будут в Колмово: «Скажите родным, что мы сами роём себе могилу».

- После того, как партизан арестовали, - вспоминала Вера Николаевна, - я встретила её и сказала: «Что же ты доказала крёстного?» (Соколовский был моим крёстным отцом). На что та ответила: «Я никого не доказывала. А что хорошего сделали партизаны? От своих же дети погибли!». Как говорится, Бог её наказал: той зимой при налете нашей авиации у Н. одного ребёнка ранило, другого убило.

Фриду спасло ранение

Колмово постоянно подвергалось жесточайшему обстрелу - из-за Мало-го Волховца нашими войсками, а со стороны Ленинградского шоссе работали зенитные установки испанцев.

Дом, в котором все жили, как раз находился под перекрёстным огнем, поэтому Корольковы переехали в одноэтажный деревянный барак, который стоял несколько в стороне. Сюда же перешли жить и старшая сестра Екатерины Ольга Антоновна с дочкой Верочкой и Рабиновичи. Но и сюда долетали снаряды.

В 1941 году, когда выпал первый снег, ребяташки высыпали на улицу. Вместе с ними около барака играла и Фрида. Внезапно разорвался сна-

ряд, и Фриде осколками поранило ноги. Перепуганная, не чувствуя боли, девочка бросилась домой, а на распросы переполошившейся бабушки отвечала: «Ничего, я просто испугалась». Когда же с неё сняли валенки, они были полны крови.

Фриду положили в госпиталь. Это и пало ей жизнь: гитлеровцы приняли в Новгороде за уничтожение евреев, бабушку и маму Фриды забрали. Один раз Эмилии Борисовне удалось навестить Фриду в госпитале. Она со слезами просила Екатерину Антоновну поухаживать за Фридой, надеялась, что немцы разрешат ей ещё раз навестить дочь. Но больше Эмилии Борисовне никто не видел.

Ходили слухи, что евреев уничтожили в машинах, оборудованных газовыми камерами.

Екатерина выходила Фриду, забрала из госпиталя домой, воспитывала как дочь, уходя на ночное дежурство, отводила ночевать к своей сестре. А православный батюшка окрестил девочку, дав ей русское имя Люба.

За годы оккупации девочки сдружилась, Фрида стала для моей мамы Веры младшей сестрёнкой. Вера Николаевна вспоминала: когда ночью в дверь стучался немецкий патруль с проверкой, то Фрида пряталась под кровать. И всё обошлось: немцы фонариком освещали комнату и уходили.

Однажды, когда Вера шла по улице и держала девочку за руку, подошёл немецкий солдат и спросил на немецком языке:

- Еврейская девочка?

- Нет, - замирая от страха ответила Вера, - русская.

Поверил он или нет, но отпустил.

В 1943 году фашисты стали угонять уцелевших новгородцев в Германию и Прибалтику.

Так Екатерина Антоновна, её мама Наталья Матвеевна, Фрида и Вера оказались в Литве. Там им пришлось хватить лиха, работали до упаду, голодали, а прабабушка с Фридой даже ходили по дворам, прося Христа ради корочку хлеба. Но и тогда даже мысли не возникало оставить девочку.

«Праведник мира»

Новгород был освобождён, и семья вернулась в Колмово. Вскоре приехал дядя Фриды, узнав о судьбе матери и сестры, горько плакал. И решил забрать Фриду в Ленинград. Екатерина Антоновна уговорила Фриду поехать с ним: Новгород был почти полностью разрушен, было проблемой найти работу тем, кто жил в оккупации. А главное, чувствовала, верно, Екатерина Антоновна, что жить ей недолго: в 1950 году она умерла от рака. А Фрида жила в Ленинграде, работала стеклодувом, потом переехала вслед за мужем в Израиль...

История лет 17 назад получила продолжение. В квартире Веры Николаевны раздался звонок из Израиля. Не сразу она поняла: что звонила Фрида, Фридоchка! Проговорили пожилые женщины около часа, вспоминали и плакали...

Фрида получила свидетельские показания, что в годы нацистской оккупации её спасла русская женщина Екатерина Антоновна Королькова.

Мама написала подробное письмо, которое стало основанием для присвоения Екатерине Антоновне Корольковой звания «Праведник мира» (посмертно). Письмо заверила в Новгородском обществе еврейской культуры. Там к ней отнеслись с большим вниманием: оказывается, этот случай в Новгороде единственный.

В августе 1999 года Фрида приехала в Новгород. Они с Верой Николаевной съездили на могилу к Екатерине Антоновне, положили цветы. Вторая поездка была в Колмово: ходили и не узнавали родной уголок. Но кое-что сохранилось. Например, у бывшего терапевтического корпуса, что по правую руку от дороги при въезде в Колмово, Фрида вспомнила:

- Верочка, вот сюда я к тебе ходила, вы здесь картошку чистили для немецкого госпиталя!

- Ну, девчонка! Ведь это самое логово немцев было, ведь головой рисковала... - похолодело в груди у Веры Николаевны.

Прошли женщины по Новгороду, зашли в Софийский собор, Фрида поставила свечку за упокой души Екатерины Антоновны, своей спасительницы - простой русской женщины, ничем особо не примечательной, но жившей по законам христианской морали и по велению своей щедрой души.

Фрида и сейчас живет в Израиле. А моей мамы Веры уже нет...

«Праведник мира» Екатерина Антоновна Королькова (Столярова).

Награда «Праведник мира».

ВОЙНА - ПОСТОЯННЫЙ УЖАС

Начало войны

- Когда началась война, мы были дома, в деревне Старая Кіевка Псковской области Порховского района. Наша деревня была в двух километрах от Порхова, а недалеко от нас, тоже километрах в двух, находился аэродром Малютино.

В мае отец был на ежегодных военных сборах, и мы вели хозяйство сами, без него. Его каждый год на месяц забирали в армию вместо срочной службы: он был единственным сыном в семье, отец давно умер, а мать была больна.

Я была старшим ребёнком, жила с мамой, братьями Борисом и Витей, с сёстрами Ниной и Валей. Самой младшей сестре Вале было всего несколько месяцев.

Для меня война началась с того, со стороны аэродрома стали слышаться разрывы бомб, над нами стали летать самолёты, и все вокруг начали рыть окопы, а рядом с Порховом стали готовить противотанковые рвы. Они и сейчас там есть, выглядят как глубокие канавы.

Наша семья не могла вырыть окоп, потому что мать была занята детьми, а отец был на военных сборах. Поэтому мы прятались в окопе у председателя нашего колхоза «Марат» Алексея Метлина, мужа маминой сестры, для меня дяди Лёши.

Сам дядя Лёша в самом начале войны тронулся умом. Как только к нам стали приближаться боевые действия, он отогнал всё стадо своего колхоза подальше от города и линии фронта. И потом всё как будто бы по телефону из разных помещений разговаривал со Сталиным. Мог и из окопа поговорить по несуществующему телефону. Говорил: «Товарищ Сталин! У нас всё в порядке. Коровы, лошади, все стада эвакуированы. Будем воевать. Мы победим!»

Ещё помню, что в самом начале войны - рядом с нашей деревней прямо в реку упал сбитый самолёт.

Сказанное занимает на листе бумаге всего несколько абзацев. На самом деле эта часть беседы длилась около часа.

От обилия воспоминаний и впечатлений тётя в рассказе всё время перескакивала с места на место, со времени на время, многие части повторялись по несколько раз. Здесь мы сделали перерыв на сладкий чай. Затем продолжили с того времени, когда пришли немцы.

Как пришли немцы

- Стрельба была сильная, но быстро закончилась. Из нашей семьи никто не погиб. Но наш город и деревню заняли очень быстро: когда выстрелы стихли, мы стали выглядывать из окна крайней комнаты и увидели людей в чужих, серо-зелёных шинелях. Они шли по Бельскому тракту, вдоль которого располагалась наша деревня, в сторону аэродрома.

Ещё дня через два или три состоялась моя первая встреча с немцами. Наш дом стоял на берегу ручья. Мы, дети, зачем-то спустились к воде и увидели три русские шинели, присыпанные землёй. Было видно, что это лежат уби-

тые люди. Всё, что помню о том моменте, это один сплошной ужас.

Оттуда мы услышали чужую незнакомую речь. Мы стали карабкаться по горке и увидели немцев. Они в нас не стреляли, а стали хохотать и говорить: «Ком, киндер, ком! Бундонки! Бундонки!». Это они нам так конфеты предлагали. Круглые такие, завернутые в бумагу. Но мы, конечно, были напуганы, и не подошли.

Ещё через несколько дней в нашем доме поселились немцы. Их было довольно много, они заняли почти всё: кухню на улице и все три комнаты внутри. Нам оставили сначала часть кухни внутри дома, а затем и оттуда переселили в сарай. Относились к нам они неплохо. На маму не ругались, не кричали, сами себе готовили пищу, и даже иногда, когда что-то недоедали, отдавали это нам. Так мы иногда питались супом и кашей.

Жизнь с немцами

- Первое время основной наш рацион составляло то, что осталось на продовольственных складах в деревне Полное. Это были товары, предназначенные для продажи в магазинах. Люди забирали их себе, и, кто был посмелее да посылнее, брал больше. Нам досталось немного. Помню вкус сметки в больших банках и кильки в бочках - очень вкусно! Ещё какое-то время молотили пшеницу и пекли домашний хлеб. Помню, как одной рукой сыпала зерно, а другой крутила жернова. Но этих запасов ненадолго хватило.

О жизни с немцами тётя Женя рассказывает, как о чём-то обыденном. Таким же голосом, как обычно предлагает мне выпить чаю с печеньем. Её голос успокаивает. Появляется ощущение, - что бы сейчас ни происходило в нашей жизни, всё не страшно, всё переживём.

- Большую часть времени, что мы жили в занятой немцами деревне, нас кормила хорошая, чёрно-белая корова, которая давала много молока. И вот мы находили бидоны или пустые бутылки, в том числе, оставшиеся от немецкого шнапса, мыли их и использовали для молока. Каждое утро мама доила корову, наливала молоко в бутылки и бидоны, клала их в две противогазные сумки. Одну я вешала на одно плечо, другую - на другое и бежала менять молоко на хлеб.

Немцы были буквально в каждом доме. Я стучала в двери и говорила: «Пан, милых на брод». Они уже знали меня и выходили с котелками. Я наливала им молока, а они давали хлеб. Как тогда говорили, этот хлеб был выпечен несколько лет назад и долго хранился, не черствея, за счёт того, что в него были добавлены опилки. Не знаю, что там было, но нам тогда этот хлеб казался очень вкусным.

Каждое утро, после того как отнесу молоко, я шла в школу. Занятия в средней Новокиевской школе продолжались. У нас тогда были объединённые классы: первый с третьим и второй с четвёртым. Я училась во втором.

Моя тётя Евгения Лейченкова (Соцкая) родилась в 1932-м году, работала на железной дороге.

Сейчас она уже еле ходит и во всём полагается на дочь. А к началу войны ей было 9 лет.

Несмотря на такой малый, в нашем понимании, возраст, о себе в военные годы она говорит как о подростке.

Сколько я её помню, она всегда была сильной и всю жизнь, до 70 с лишним лет, работала.

Её пробивной характер позволял ей справляться с любыми работами и везде находить условия для жизни. Пожалуй, только сейчас мне стали понятны истоки этой черты характера.

Наш разговор мы начали с вопроса, от которого теперь веет каким-то официозом: «Где вы были, когда началась война?»

Ольга Слабада, корреспондент газеты

Как-то в нашу школу приехал немецкий комендант, проверить, как идут занятия. Я училась хорошо и сидела на первой парте. Наша учительница, Клавдия Петровна, говорит: «Соцкая Женя, вставай, расскажи стихотворение». А стихотворение она тогда выбрала со смыслом — «Бородино». И я его перед комендантом рассказала громко, с выражением. Он сидел почти рядом со мной, на учительском месте, слушал. И ничего не понял. Только похвалил «Данки шон».

После школы мама доила корову второй раз, и я снова бежала менять молоко, в этот раз в порховский военный городок. Потом занималась с младшими детьми. Вечером в сумерках снова бежала с молоком.

Как стали выгонять из деревни

- Началась всё с того, что наши ребята, которые ушли в партизаны, стали делать набеги на немцев. А их ушло много - почти все старшеклассники. Оставшихся в всех наших пяти деревнях можно было по пальцам сосчитать. Немцы ходили на гуляния, на их вечеринки. И вот появились слухи, что потихоньку, по одному немецкие солдаты и местные полиция стали пропадать. Жители наших деревень попали под подозрение.

Если раньше немцы к нам относились неплохо, то теперь их отношение ухудшилось. В Порхове поставили три виселицы. И когда я ходила менять молоко на хлеб, там всегда кто-то висел. А моя дорога шла как раз мимо них. Проходить было страшно, но приходилось.

На этом месте мою тётю бросило в дрожь. Она на некоторое время замолчала, потом, как бы собравшись с духом, продолжила:

- Через некоторое время пришлось продать корову. Кто-то сказал маме, что наш отец находится в порховском лагере военнопленных. Она поговорила со старостой, который, как казалось, имел какое-то положение среди немцев, что он договорится о вызволении Василия Соцкого. Но староста ничего сделать не смог, и моего отца отправили в лагерь «Девятый форт» в Литве.

Потом партизаны хотели взорвать каменный мост недалеко от нас. Бомбу заложили, подорвали, но взрыв только сделал большую выбоину посреди моста.

Следующий случай решил будущее жителей всех наших деревень. Был праздник «Фрол», когда взорвали немецкую комендатуру. Она находилась в гостинице, где сейчас почтовое отделение. Там шло какое-то собрание, были офицеры, в этот момент комендатуру и подорвали.

«Шёл 1943-й год», - говорит мне тётя. И я послушно записываю. Но исследователям истории я не могу рекомендовать полагаться на мою родственницу в датах. Видимо, 1943-й год был для неё самым сложным, потому что все последние события, от которых осталось больше всего впечатлений, она относила именно к этому году. Несмотря на то, что между некоторыми из них успевали пройти все сезоны по кругу.

- С этого момента многих стали расстреливать. Просто за то, что они выглядели неблагонравными, или же на них кто-то донёс. Нашими соседями была семья Городецких. Когда ещё война не

началась, к старику на лето приехала дочка из Ленинграда с сыном и с мальчиком - соседом по коммунальной квартире. Он был всего на пару лет старше меня. И вот он оказался евреем. После случая с комендатурой его по первому слову какого-то доносчика забрали, и больше я его никогда не видела.

Но ближе к осени был и хороший момент. На утеплённом чердаке у нас была комната, где хранились яблоки. Мы как-то складывали их на зиму, я по ступенькам забралась на чердак, открыла дверь, зашла и слышу: «Женя, Женя»!

Порхов. Ужасы войны.

Я страшно испугалась, вскрикнула. А оттуда: «Женя, не бойся, это я, папа»! И правда, выходит из-за угла, из-за яблочной каморки отец. Борода длиннющая!

Потом мама рассказывала, что он там уже какое-то время скрывался. Из литовского лагеря его отдали на работу в семью поляка. И этот поляк через какое-то время помог ему бежать. Так мой отец добрался до дома.

Я когда поняла, что это он, чуть со ступенек ни скатилась от радости.

Отъезд с родины

- Ещё через какое-то время, в середине осени в наш дом ворвались немцы с автоматами и собаками. Это было утром, когда дети ещё спали, а мама только топила печку. Нам дали 20 минут на сборы. Собирать было особо нечего. Какие-то сумки стояли собранные заранее, но их было немного, потому что главное было - вынести малых детей. Помню, что времени не хватало. Нужно было всех одеть.

У меня, моего брата Бориса и сестры Нины на ногах, когда мы стали выходить, были валенки. А младшие дети, Виктор и Валя, были во что-то завернуты. Нас и всех жителей деревни выгнали из домов на дорогу, на Бельский тракт и стали поджигать дома. И мы видели, что вдалеке тоже горят деревни.

Мы стояли на дороге, рядом с нами стояла учительница с племянницей Тамарой. До войны мы дружили с этой девочкой и её братом. С началом войны брат её ушёл в партизаны, и она осталась одна с родной тётей, нашей учительницей Клавдией Петровной. Я помню, что у них был большой чемодан.

Мы стояли рядом с ними. И вдруг подходит к нам один высокий, строй-

ный, красивый немец. Останавливается, револьвер в руке держит, и срывает с руки Тамары позолоченные часы, которые достались той от покойной мамы, потом говорит: «Открывай чемодан!». Клавдия Петровна стала возмущаться: «Как вы смее! Я буду жаловаться в комендатуру. Вы - мародёр!». А он направил на неё револьвер, что-то прокричал и выстрелил ей в ногу. Больше эта нога никогда не восстановилась полностью. И вот лежит Клавдия Петровна, истекает кровью, мы, дети, плачем, а немец заулыбался и пошёл прочь.

Тётя Женя рассказывает, а у самой руки трясутся и слёзы на глазах. Она смотрит на меня своими большими глазами. И голос её становится каким-то детским, тонким.

- Через какое-то время пришли двое других немцев, погрузили учительницу на носилки и унесли. Тамара пошла с ними. После войны мы узнали, что Тамара не пережила концлагерь, а её брат умер в партизанах.

Потом в повозке приехал немец - посыльный коменданта, приказал двигаться в сторону Порхова, и нас автоматчики с собаками повели пешком в лагерь, бывший военный городок. Осень была холодная, уже шёл снег. Мы шли, по дороге валялись брошенные чемоданы и сумки.

И мы всей семьёй, включая только недавно возвратившегося отца, попали в порховский лагерь. Жителей наших деревень согнали в один корпус, двухили трёхэтажный, указали на квадратные трёхэтажные нары и приказали их занимать. Наша семья, как имеющая малых детей, поселилась на первом этаже. В первый вечер нам еды не дали, утром принесли хлеб - буханка на семью.

Там мы пробыли трое суток. Потом снова приехали немцы с оружием и собаками, и нас погнали на станцию. Жителей барака стали грузить в тележки - маленькие крытые вагончики. В вагоне было всего два окна с решётками, но без стёкол. Посередине была прорублена дырка, в неё мы ходили в туалет. Прямо при людях. В каждом помещалось человек по 50 или больше.

Какое-то время нас держали там. В наш вагон попал дядя Гриша, припадочный, эпилептик. Он сидел рядом с нами, и когда у него начинался припадок, мы жались к самым стенам.

Литовский концлагерь

- Дорога длилась недолго. Через какое-то время нас привезли в Литву, в Рокишкис. Всех выгрузили на перрон, поставили в ряд. Стали приезжать какие-то литовцы и брать работоспособные семьи, в которых не было малых детей и инвалидов.

Непригодных к работе оставалось много, и нас снова погрузили в вагоны.

Любопытно, только сейчас мне вспомнилась, что, несмотря на всю свою любовь к поездкам, тётя всегда выбирает для передвижения автобусы. В крайнем случае - самолёты. Но не помню, чтобы она когда-либо ездила на поезде.

- Через двое суток нас привезли к станции Каунас. Здесь находился лагерь

«Девятый форт», тот самый, в котором не так давно был отец. Потом были казармы и нары, свой небольшой уголок и буханка хлеба. Но здесь мы задержались надолго. Было довольно холодно, малые дети были простужены, постоянно болели, а лечить их было нечем.

Как только рассветало, нас, подростков, отправляли работать. Мы выходили на улицу, кто в чём мог, и занимались уборкой. Там был мусор, грязь и умершие. Это всё надо было убрать. Тем, кто посильнее, давали носилки. Мы всё скидывали на носилки и несли к воротам. А там другая команда клала всё на машины и увозила за территорию лагеря. В это время младшие дети сидели на нарах, а взрослые занимались какой-то другой работой - мы их почти не видели.

Через несколько месяцев, когда ещё была зима, концлагерников стали отдавать в семьи неблагодарных, тех, на счёт кого подозревали, что они в советское время имели какое-то отношение к партии. Эти люди должны были брать семьи из лагерей и размещать их, как и где хотят.

Мы попали в семью бывшего председателя колхоза Большакова. Сам он в это время воевал на советской стороне, а его мать, жена и двое детей остались на родине. В доме, где они жили, была кухня и одна большая комната. Нам дали место на полу, напротив двери. Постлали сено или солому, и мы там всей семьёй спали.

Страшно было по-прежнему. Помню, как прямо у нас на крыльце застрелили нашего соседа, когда он присел покурить.

Мы сидим на диване рядом друг с другом. Мне сейчас - 25, тётё тогда было чуть больше 10-ти. Мертвецов я видела только на кладбище и в морге. И каждая, близкая ко мне смерть, была настоящим событием. Очень значительным и плохим. А тётя говорит о покойнике как о повседневном. Её интонация даже слегка не менялась.

Для меня утро начиналось с того, что мы с братом Борисом шли искать еду. Ходили по домам хутора Дуборайцы (Будорайцы) Антузовской волости, Зарасайского района, в котором нас поселили. А дома там были расположены на удалении друг от друга. Мы шли так далеко, как только могли, заходили в каждый дом и просили еды. Нам давали хлеб, картошку варёную или сырую. Что было, то и давали. Литовцы относились к нам неплохо, кормили нас.

Плохо было, что в Литве погода была мокрая, а у нас из обуви только валенки. И они намокали до самых колен.

Когда про нашего папу прослышали, что он сапожник, ему стали потихоньку давать обувь на ремонт и что-то приносить за работу, жить стало чуть проще. Мы прямо духом воспрянули.

Родилась Шура

В этом же доме родилась моя сестра Шура. Это было 1 мая 1944-го года. Семью литовцев куда-то отправили, и мы были в доме одни. Отца тоже в тот момент не было. Наступало утро, мы с мамой спали на том же полу, и помню, мамке стало плохо. Она говорит: «Женя, беги к соседям, пусть придут ко мне». Я побежала к одному соседу, к другому, но никого уже не было дома. Я прибегаю обратно, плачу: «Мама, никого нет, никто не придёт!» А ей уже совсем плохо.

Вдруг смотрю, маленький ребёночек, Шура, вышла. Мама сказала обвязать «кишку» и обрезать её рядом с пупком. У меня руки дрожат, а она говорит: «Режь, не бойся, режь!» Я обвязала, отрезала, нашла, чем завернуть ребёночка. И они так и остались лежать на полу. А я опять побежала искать взрослых. Нашла одну женщину, та пришла, посмотрела, что всё нормально, и ушла.

Моя тётя Шура успешно пережила войну, послевоенный голод и живёт (тьфу, тьфу!) до сих пор. У неё хорошее здоровье и крепкая семья. Она до сих пор ездит с востока России в центр в гости к сёстрам и брату.

Конец войны

Через какое-то время немцев в округе становилось всё меньше, стали слышны выстрелы. Мы начали рыть окопы. Когда немцы отступали через наши края, мы вместе с нашими хозяевами-литовцами находились в окопе. И снова, как когда-то в Порхове, выстрелы длились недолго. В округе погибло несколько человек, но в нашем окопе все остались живы.

Уходя, немцы много чего оставили. Мы нашли немецкие сапоги и портянки. Помню, как из немецких портянок сшила себе кофточку. И так ею гордилась, что на родину возвратилась в ней же.

Больше с уходом немцев для нас, детей, ничего не изменилось. Мы всё так же ходили по домам просить еду.

Через некоторое время после освобождения в Рокишкис пригнали вагоны. И мы опять всей семьёй погрузились в

поезд. Это снова были небольшие вагончики, но теперь на улице и в них было тепло. Ехали до дома долго, было много остановок. Во время них мы с братом снова собирали еду. Но с едой нам помогали и наши солдаты - к вагонам приносили супы и каши.

Возвращение домой

Дом встретил нас пепелищем. Вокруг не было ни одного сохранившегося строения. Мы стали рыть и расширять окопы. Отец поставил прямо в окопе печку, собрал её из кирпичей, набранных с пожара. И там мы жили. Утром ходили на колхозное поле, собирать гнилую картошку. Если снять с неё кожуру, там внутри было зёрнышко крахмала, вот его мы и собирали. Дома нарывали травы - лебеду, стебли одуванчиков, «дудки», всё это крошили, смешивали с крахмалом и пекли пирожки. Вот на этих пирожках мы и выжили. Они нас и восстановили. «Дудки» - они сладкие, вкусные...

Вскоре отца снова взяли в армию и отправили сначала добывать немцев, а потом воевать в Японию. А мы с мамой и маленькой Шурой остались в деревне. Голод длился ещё довольно долго. Но постепенно жизнь налаживалась.

Мы сидели и молчали. Её руки снова тряслись. Она смотрела куда-то вдаль. Я подумала, беседы на историческую тему стоит заканчивать подведением итогов, и спросила: «Что для вас война?»

Что такое война

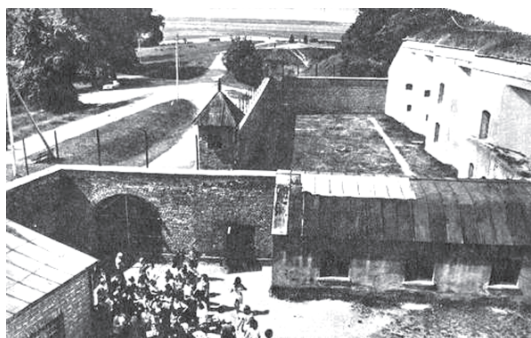
Война - это сплошной и постоянный ужас. Не дай Господи ни одному поколению пережить такое. Это постоянный страх. Куда бы ты ни шёл, ты боишься. Самым жутким были те три виселицы в центре Порхова, мимо которых я ходила менять молоко на хлеб. Страшно было слышать выстрелы и понимать, что это расстреливают людей. Страшно было видеть людей, которых вели в лагерь или тоже на расстрел. Страшно было, когда внезапно умирали знакомые, и не знать, кто умрёт следующим.

До войны у нас был большой, красивый двухэтажный дом с мансардой. Огромный, плодovitый сад. А после трава и «картошка» восстановила нас к жизни. И «дудки». «Дудки» - они сладкие, вкусные. Бывало, наешься их, и сыт...

Вместо послесловия

Сейчас моей тётё 83 года. В её доме всегда есть вкусная еда, а в шкафах лежит запас одежды на всех родственников, которого хватит до конца их жизни и дольше. Она больше никогда не останется голодной и холодной.

Когда я уже выходила из дома тётё и прощалась с домочадцами, она окликнула меня: «А «дудки»! Знаешь, что такое «дудки»? «Дудки» - они сладкие, вкусные»...

Литва, Каунас, Девятый форт. Во Вторую мировую войну здесь была настоящая фабрика смерти - концлагерь 1005Б, в нём казнены более 50 000 человек.

Теперь здесь Музей жертв фашизма и геноцида еврейского народа. Среди экспонатов - вещи заключённых, их дневники и фотографии. Перед входом - памятник жертвам нацизма.

«МАТЕРЬ - НОВГОРОДСКАЯ СОФИЯ...»

Новгород в русской поэзии Великой Отечественной войны

Дмитрий Борисович Кедрин (1907-1945) поэт, которого читающая Россия сумела открыть и оценить уже после его смерти, был освобожден от призыва на военную службу по зрению — и все тяготы войны оценивал с позиций человека

до мозга костей «штатского»:

*Из всей симфонии войны
Я слышу только плач солдаток...*

Стихотворение Дмитрия Кедрина, эпиграфом к которому поставлено четверостишие А.К. Толстого «В колокол, мирно дремавший, с налета тяжёлая бомба...», помечено 30-м августа 1942 года, самым страшным и тяжелым временем Великой Отечественной войны:

*В тот колокол, что звал народ
на вече,
Вися на башне у кривых перил,
Попал снаряд, летевший издали,
И колокол, сердясь, заговорил...*

Автор, знаток русской истории и создатель известных баллад, сталкивающих прошлое и современность, призывал к возврату героического прошлого: образ Новгорода возбуждал самые высокие патриотические чувства:

*Когда ж врывались в Новгород соседи
И был весь город пламенем объят,
Тогда глубокий звон червонной меди
Звучал, как ныне... Это был набат!
И рухнули перил столбы косые,
И колокол гудел над головой
Так, словно то сама душа России
Своих детей звала на смертный бой!*

В мае 1943 года поэту удалось, несмотря на ужасающее зрение, добиться направления на Северо-Западный фронт в газету 6-й воздушной армии «Сокол Родины». Редакция располагалась возле Валдая: «Живу в лесу, в землянке, умываюсь у родника. Дни стоят золотые, чувствую себя очень хорошо. Сейчас вечерет. Несмотря на близость опас-

ности и на трудную большую работу, люди, которые меня окружают, играют сейчас в волейбол и весело хохочут. Через полчаса они переоденутся и пойдут на выполнение опасных боевых задач. Это особый, очень спокойный и очень героический народ...» - писал он в письме к жене 26 июня 1943 г.

Кедрин в армейской редакции ведёт литературный отдел, зачастую «делает» всю газету от передовой до отдела сатиры. Первым его поэтическим произведением на страницах «Сокола Родины» было стихотворение «Россия! Мы любим неяркий свет...»:

*На жизнь и на смерть пойдем
за тобой
В своей и чужой крови!
На грозный бой,
на последний бой,
Россия, благослови!*

Среди рифмованных призывов, политических памфлетов, фельетонов, текстов к карикатурам появляются и истинно кедринские стихи и ставшее знаменитым стихотворение «Аленушка»:

*Стойбище осеннего тумана,
Вотчина ночного соловья,
Тихая царевна Несмеяна -
Родина неяркая моя!*

*Знаю, что не раз лихая сила
У глухой околицы в лесу
Ножичек сапожный заносила
На твою нетленную красу.*

*Только всё ты вынесла и снова
За раздольем нив, где зреет рожь,
На пеньке у омута лесного
Песенку Аленушки поёшь...*

*Я бродил бы тридцать лет по свету,
А к тебе вернулся б умирать,
Потому что в детстве слышал эту,
Знать, и надо мной певала мать!*

В 1942 году в газете Северо-Западного фронта «За Родину!» появилось стихотворение **Степана Петровича Щипачева** (1898-1979), который с начала войны служил в этой газете, был свидетелем оставления Новгорода. А стихотворение так и называл - «Новгород»:

*Живи, великих предков город,
Москве старинная родня!
Прохлада каменных соборов
от гулких стен шла на меня...*

*Мы не забыли, не забыли
тебя, наш город фронтовой,
как танки, белые от пыли,
шли по булыжной мостовой,*

*как со стеной кремлевской рядом
метался дым в пустом окне.
Ты от фугасок и снарядов
в багровом умирал огне.*

*Я в ту печальную годину,
уставший до последних сил,
тебя покинув, на седилах
твой горький пепел уносил.*

Еще до освобождения города в той же газете «За Родину!» появилось стихотворение тоже её корреспондента - **Михаила Львовича Матусовского** (1915-1990), с характерным «военным» обозначением условного города: «Город Н.». Но что интересно: хотя идет речь о каком-то «общем» городе, но всё равно видно, что это - именно и только Новгород:

*Выжженный смерчем прямой
наводки,
Опустошённый от труб до стен,
Он не внесен ни в какие сводки,
Он называется - город Н.*

*Он полыхает на косогоре,
То замирая, то грохоча,
Будто он выстроен весь из горя,
А не из камня и кирпича.*

*Он поднимается предо мною,
Грозный и стынувший на ветру,
Город, который любой ценою
Наша пехота возьмет к утру.*

Будущий поэт-фронтовик **Сергей Сергеевич Орлов** (1921-1977), в феврале 1944-го - молодой лейтенант, командир взвода тяжелых танков КВ, непосредственно освобождал Новгород, прошёл на танке через разрушенный город. И увидел:

*Мать - Новгородская София...
Стены опаленного Кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.
Громящая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои -
Танковый отдельный батальон.*

В предисловии к сборнику Сергея Орлова поэт Егор Исаев образно отметил: «И вот она, смотровая щель, через всю, можно сказать, Европу – от станции Мга до Новгорода, от Новгорода к Висле и за Вислу, туда – на Берлин, к Победе».

Но что опять же интересно: проезжая «на третьей танковой скорости» через лежащий во прахе город, танкист, воспитанный в антирелигиозном духе, увидел прежде всего разрушенную «Матерь - Новгородскую Софию». Этот храм давно перестал быть только религиозным символом. Он стал олицетворять собой всю великую родину: «Где София, там и Новгород». А разрушенная незваными пришельцами София, увиденная через смотровую щель, не могла не обжечь горечью – и заставила этого танкиста увидеть в эту щель и Вислу, и Берлин, и грядущую Победу. Живой символ Новгорода вдохновлял людей на бой гораздо сильнее всех иных призывов.

Не случайно и то, что в конце войны появилась знаменитая картина Кукрыникова, изображавшая бегство фашистов из Новгорода - изображённый на ней разрушенный памятник «Тысячелетие России» призывал мстить несправедному врагу. Хотя, по советским понятиям, – к чему могли призывать какие-то фигуры ангела с крестом, бородатых князей и царей? Но – пришлось смириться.

Вот одно из последних стихотворений, которое написал **Всеволод Эдуардович Багрицкий** (1922-1942), воевавший в новгородских лесах:

*Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.*

*Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Баракло на черный хлеб менять.*

*Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете
Меньше двадцати.*

Он действительно не дождал двадцати лет. В канун 1942 года Всеволод Багрицкий, вместе с другим поэтом, **Павлом Николаевичем Шубиным** (1914-1951), получил назначение в газету «Фронтная правда» 2-й Ударной армии: она шла на выручку осажденному Ленинграду и трагически погибла почти в полном составе. Поэт погиб 26 февраля 1942 года в деревушке Дубовик, записывая рассказ политрука. Захоронен возле села Старая Кересть, неподалеку от Чудова.

Поэту Павлу Шубину повезло больше. Корреспондентом фронтовой печати он прошёл всю войну: был на Волховском, на Карельском и даже на Дальневосточном фронтах, заслужил ордена и медали, демобилизовался в звании майора. Был здоров, силен и весел, но умер на «половине жизни» в одиночестве: на скамейке, на которую он присел.

*Мы бились с врагами у стен
Ленинграда,
Во мгле новгородских болот,
Под нами шаталась земля
от снарядов
И плавился волховский лед...*

Ему было суждено стать своеобразным «поэтическим летописцем» живых ощущений воина Волховского фронта: его стихи помечены то «юго-восточнее Мги», то «разъезд № 9 под станцией Неболчи», то «Любино Поле», то «Малая Вишеря», то «Новгород».

*Мне б только вот эту гранату,
Злорадно поставив на взвод,
Всадить её, врезать как надо
В четырежды проклятый дзот,
Чтоб стало в нем пусто и тихо,
Чтоб пылью осел он в траву!
...Прожить бы мне эти полмига,
А там я сто лет проживу!*

Павлу Шубину довелось воевать на очень трудном фронте. Осенью 1941 года войска защищали подступы к Ленинграду, находясь на стыке Ленинградского и Московского стратегических направлений, два с половиной года удерживали Валдайскую возвышенность, прочно закрепившись на линии реки Волхов и озера Ильмень. О военных буднях, изматывающих и неблагодарных, Совинформбюро сообщало: «На остальных участках фронта ничего существенного не произошло». Так оно и было - в сравнении, скажем, со Сталинградом или Курской битвой. Но чего стоило изо дня в день удерживать линию фронта! В этих условиях особая роль на войне принадлежала именно её «рабочему». Они и становятся героями поэзии Шубина. Вот шофёр, который вступает в поединок с вражеским самолетом:

*Крутятся под «мессершмиттами»,
С руками перебитыми,
Он гнал машину через грязь
От Волхова до Керести,
К баранке грудью приваляясь,
Сжав на баранке челюсти...*

Шубину пришлось по душе места, издавна ставшие местами русской славы. Вот характерное стихотворение этого ряда – «В новгородском лесу», помеченное: «Чудово, 1944»:

*Здесь наши танки пронеслись
В неистребимой злобе;
Шинель зеленая, как слизь,
Растоптана в сугробе,*

*Рука торчит из рукава,
И на безногом теле
В щетине медной - голова
Хозяина шинели.*

*Российский снег под ним глубок,
И вечен, и бесстрастен...
Над ним - ленивый, сытый волк
Со ржавчиной на пасти;*

*В закате ледяном - ворон
Ликующее вече,
И сосны, может быть, времён
Еще Ледовой сечи!*

В феврале 1944 года Павел Шу-

бин одним из первых вошёл в освобожденный Новгород:

*Мимо белокаменной Софии,
Волховские кинув берега,
Я и сам прошёл тогда впервые
Городом, отбитым у врага.*

*На кремлевской площади в сугробах -
Витязей поверженных тела...
Их пытал тупой немецкий обух,
Грызла и калечила пила.*

*Но жива, жива литая бронза,
Хмуро смотрит Петр за горизонт,
Будто видит накрепко косо
К Гангуту идущий галиот.*

*И стремится, и летит, как сокол,
Кличет землю Русскую беречь
Тяжкой шуйцей Рюрика высоко
Над шепотом занесённый меч.*

*Нет, ничем нельзя убить победу!
Снова новгородские полки
На закат по вражескому следу
Двинулись от Волхова-реки...*

Образ поверженных русских «витязей» и разорённого врагами Новгорода особенно остро демонстрировал, что «ничем нельзя убить победу»: не мы первые воюем за эту землю – и не первые полегли за неё.

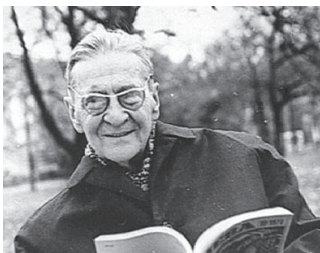
Русская земля неуничтожима: тысячелетняя история великого города наглядно демонстрировала эту истину.

**В.А. Кошелев,
д.ф.н., ИГУМ**

□

**Софийский собор,
разрушенный во время войны.**

Всеволод Александрович Рождественский (1895-1977) родовыми корнями был связан с Новгородчиной. В воспоминаниях «Страницы жизни» он писал: «У нашей семьи сиздавна повелся обычай - на лето уезжать из города, но не в дачные местности под Петербургом, а на родное отцовское пепелище, в село Ильинское». До революции это село входило в состав Тихвинского уезда Новгородской губернии. Рождественский отмечал, что даже речь отца на новгородской земле менялась: «...речь его становится такой же круглой, образной, деревенской, совсем не похожей на ту, какой говорит он в городе. Даже северное „оканье“ ещё заметнее в ней. Еще бы! Это язык его далёкой юности, родная Новгородчина, завещанная ему столь привычными к болоту и лесу поколениями».

«МОЙ НОВГОРОД!»

Чувство родины, северной земли, Новгорода, Волхова чрезвычайно обострилось у Всеволода Рождественского во время Великой Отечественной войны.

В 1941 году Рождественский пошёл в народное ополчение, сотрудничал в газете «На защиту Ленинграда».

«К началу октября, - писал Рождественский, - Армия народного ополчения вобрала в себя огромные массы рядовых ленинградцев. <...> Уцелевшие и получившие боевой опыт люди естественно вливались в ряды регулярных войск. Ополчение скоро перестало существовать. Прекратился и выход его газеты «На защиту Ленинграда». Нас, литературных сотрудников, распределили по многоотрядам воинских частей и газетам города. Я попал в редакцию „Ленинградской правды“ на полувоенное, полуштатское положение».

В январе 1942 года он, «так и не дождавшись повестки из военкомата», «сложил в вещевой мешок самое необходимое и, почти падая от усталости, напрягая последние силы, перешёл наискось по льду Неву и, то пешком, то на попутных машинах, добрался до линии фронта». И вскоре оказался на Волховском фронте. Впечатления, полученные здесь, отражены в стихотворении «Волховская зима»: Мороз идёт в дублённом полушубке И валенках, топчя скрипучий прах. От уголька зубами сжатой трубки Слоистый дым запутался в усах,

*Колючий иней стряхивают птицы,
То треснет сук, то мины провизжат.
В тисках надежных держат рукавицы
Весь сизый от мороза автомат.*

*Рукой от вьюги заслонив подборовье,
Мороз глядит за Волхов, в злой туман,
Где тучи, перепачканные кровью,
Всей грудью придавили вражий стан.*

*Сквозь лапы ёлок, сквозь снега густые
Вновь русичи вступают в жаркий бой.
Там Новгород: там с площади Софии
Их колокол сзывает воевой.*

*В глухих болотах им везде дороги,
И деды так медведей поднимают
Учили их, чтоб тут же, у берлоги,
Рогатину всадить по рукоять!*

По признанию Рождественского «за четыре года, проведенных на Ленинградском, Волховском и Карельском фронтах, пережил едва ли не самый значительный период своего жизненного пути». 21 января 1944 года вместе с политотделом 59-й армии Волховского фронта Всеволод Рождественский входил в освобожденный Новгород. Живое впечатление от увиденного Рождественский оставил в своем письме от 23 января 1944 г.:

«Удивителен по смелости и широкому творческому размаху был штурм Новгорода. Наши войска шли по льду озера Ильмень сквозь огневой вихрь, и всё было к этому готово. Город - груды развалин. Трудно себе представить большее варварство. Населения не осталось не единого человека. Все угнаны в рабство, если не считать тех, которых удалось отбить по дороге.

Кремлёвские башни разбиты и поломаны, но всё ещё стоят. Всё ещё высится Кукуй. София цела - но в каком виде! Главный купол (золотой) ободран и пробит во многих местах, стены поцарапаны и местами обнажили кирпичи. Но соотношение архитектурных пропорций и общее очертание силуэта в неприкосновенности. «Корсунские ворота» были

увезены нами еще до прихода немцев в надёжное место. Внутри - мерзость запустения. Немцы превратили храм в подобие морга. Стены загажены и обожжены так, что на них почти ничего нельзя разобрать. В алтаре - огромная железная печь и невообразимая копоть и грязь кругом. Все ценное ободрано и увезено в Германию уже давно.

Спасо-Евфимьевская звонница уцелела чудом, но с содранными, обнажёнными до каркасов куполами. И это, если не считать полуманных стен Кремля, - всё, что осталось от Великого Новгорода. Жилого города почти не существует.

На Софийской площади - странная картина. Микешинский памятник тысячелетию Руси разобран немцами с тупой педантичностью, развинчен по частям - очевидно с целью вывезти его в Германию целиком (но сделать этого не успели). Теперь бронзовые фигуры раскиданы на снегу. Из-под сугробов торчат руки с занесенными саблями, суровые лица, могучие плечи. Все это производит впечатление поля боя, какой-то гигантской богатырской сечи, где русские великаны положили несметное количество вражеской нечисти.

Подступы к городу усеяны таким количеством немецких трупов, что и рассказать об этом невозможно. Есть дорога, где на протяжении километра - сплошная мясорубка. Немцев зажали с двух сторон, искрошили и на земле, и с воздуха.

...Я не знаю, как и когда будет восстановлен Новгород, но у меня есть твердая уверенность, что он может быть восстановлен».

И те же впечатления, отлившиеся в поэтических строках, написанных тогда же, в январе 1944 г.:

*В глухих лесах, в Приладожье студёном,
Где древняя раскинулась земля,
Сиял он гордо золотом червлёным
Над Волховом встающего кремля.*

*Как богатырь в урочище пустынном,
Стоял он твёрдо - родины оплот,
И этот город в песнях «Господином
Великим Новгородом» звал народ.*

*Над башнями, над белою Софией
В годину бед, сквозь вражьи стрел дожди,
Здесь вечевое сердце всей России
Набатом пело в каменной груди.*

*.....
Оно молчит, у свастики в неволе,
Спит город - без единого огня.
Но издалёка в мутном вьюжном поле
Какой-то гул доходит до меня.*

*То колокола пленное гуденье
Там, в тёплой глубине родной земли.
Он нас зовет, он молит о спасенье,
Торопит нас, чтоб мы скорей пришли.*

*И час настал. В развалинах и дыме
Враг опрокинут танковой волной.
Возносит вновь над стенами крутыми
София купол, чёрный и сквозной.*

*Она пробита вражеским снарядом,
Ободран золотой её шлем,
Но на снегу, со звонницею рядом,
Все полегли, кто встал на нас с мечом.*

Новгород и новгородская земля остались незабываемыми для поэта. До конца жизни Всеволода Рождественского они входили в сферу его воспоминаний, раздумий и поэтического творчества.

**Т.В. Игошева,
д.ф.н., ИГУМ**

А СЕГОДНЯ 2-Я УДАРНАЯ АРМИЯ ПОБЕДИЛА!

1. Живая история

Для участия в фестивале съехались историко-патриотические клубы со всей России и из ближнего зарубежья. В том числе – клуб военно-исторической реконструкции «Донской рубеж» из Ростова-на-Дону.

Моё счастливо-случайное знакомство с ними и стало для меня и моих друзей возможностью и поводом поехать в это апрельское воскресенье в Тёсово-Нетыльский.

«Донскому рубежу» пока чуть больше года, но за это время его участники успели отметиться на многих реконструкциях в разных городах России.

Кроме того, клуб ведёт активную деятельность и по другим направлениям. Поисковые работы, помощь музеям, военно-патриотическое воспитание молодёжи, съёмки в военно-исторических фильмах, – это лишь малая часть того, чем занимается «Донской рубеж».

Сейчас в клубе состоят девять человек, не считая кандидатов на испытательном сроке, число которых постоянно меняется. А в Тёсово-Нетыльский из Ростова-на-Дону приехали десять реконструкторов: пять «военнослужащих вермахта» и пять «красноармейцев».

Живая история начинается для нас уже во дворе дома на Никольской, где мы ждём их, чтобы вместе ехать в Тёсово. Во двор они выходят уже одетые в военную форму – форму той самой, той главной войны – и мы

застываем на месте с открытыми ртами.

– Гутен морген! – улыбаясь, говорю я рядовому вермахта, идущему прямо к нам.

– Да уж надеюсь, что гутен. – с лёгким южным говорком отвечает «фашистский оккупант». – Погодите, сейчас погрузимся и поедем.

В рюкзаках и сумках, которые грузят в автобус – оружие, каски, снаряжение. Многие вещи – оригинальные, времён Второй Мировой. Уже знакомого нам немецкого рядового – Сергея Худобина – мы обступаем, как музейный экспонат, пока он рассказывает нам об эволюции военной формы вермахта, по ходу действия извлекая из карманов предметы, один интереснее другого. Из рук в руки мы с восторженными междометиями передаём друг другу курительную трубку, спичечницу, солдатскую книжку...

– Реконструкцией вермахта занимаюсь уже шестой год. – говорит Сергей. – Как начал? Просто купил комплект формы и снаряжения, нашёл на форуме военно-исторических реконструкторов контакты руководителя клубов по Ростову-на-Дону, выбрал клуб и стал реконструктором. А в прошлом году мы организовали уже собственный клуб.

2. Забытый подвиг

Фестиваль организаторы посвятили ожесточённым боям, которые велись весной 1942 года за коридор

История, война, и, конечно, тема Второй Мировой всегда были для меня особенно интересны.

Тем не менее, до этой весны я так и не побывала ни на одной военной реконструкции.

А 5 апреля мне представилась счастливая возможность оказаться в посёлке Тёсово-Нетыльский на III международном военно-историческом фестивале «Забытый подвиг».

Справка

73 года назад в лесах и болотах под Новгородом развернулась Любанская операция - третья попытка прорыва блокады Ленинграда.

Операцию проводил Волховский фронт силами 2-й Ударной армии, которая в результате просчётов командования оказалась в окружении.

Но вместе с тем армия отвлекла на себя значительное количество немецких войск и не дала возможности противнику усилить давление на блокированный Ленинград.

■ снабжения в районе прорыва 2-й Ударной армии.

К сожалению, подвиг бойцов и командиров 2-й Ударной, большая часть которых погибла в окружении в районе Мясного бора, многие годы сознательно замалчивался.

Винновником тому стал взятый в плен и перешедший на сторону врага генерал Власов, чье имя в последующие годы превратилось в символ коллаборационизма, предательства, измены. А за грехи командира пришлось отвечать перед историей и его солдатам: те, кого предали, сами остались в памяти людей предателями.

Потому и назвали фестиваль: «Забытый подвиг». Забытые солдаты погибшей армии, солдаты, чья память предана, чьи жертвы забыты, получили здесь право — пускать посмертное — на доброе имя и доброе слово.

3. Перед боем

Въехав в Тёсово-Нетыльский, мы становимся частью оживлённого потока участников и зрителей предстоящего действия. Историческая, военная, с горячим запахом дыма атмосфера пронизала пространство. Вдоль дорог к узкоколейке тянутся идущие против хода времени войска Великой Отечественной — русские и немцы вперемешку. И во всём — удивительное ощущение реальности как ожившего военного фильма.

Удивительно и непривычно видеть солдат вермахта и РККА в одной компании — вот они стоят вместе, курят, смеются над шутками друг друга. Скоро начнётся бой и они, войдя в свои роли, пойдут друг на друга с оружием в руках, но пока ещё есть время и никто никому не враг.

«Линия фронта», разделяющая собравшиеся здесь компании, прохо-

дит иногда даже через одну семью. Например, вместе с Сергеем Худобиным приехала его сестра Александра — снайпер РККА.

— Когда я только начинала заниматься реконструкцией, участвовала в качестве сестры милосердия DRK (Немецкий Красный Крест), — рассказывает Александра Худобина. — В 2014 году перешла в Красную армию, потому что надоело сидеть в тылах и практически быть зрителем, а не участником. Захотелось бегать, стрелять, полностью вживаться в реконструкцию. А вообще, сначала реконструкцией занялся брат. Мне тоже захотелось, вот и решила попробовать.

А вот руководитель клуба Павел Боярский как раз представляет здесь немецкую военную медицину — он участвует в реконструкции в качестве санитар вермахта:

— Почему вермахт? Я считаю, люди

должны «знать в лицо» тех, с кем воевали наши предки. Почему санитар? Медицина на войне занимает не последнее место. Если в Красной армии санитары были в основном женщины, то в вермахте женщины не допускались к зоне боевых действий. Поэтому и получается, что в реконструкции Красной армии вопрос медицины развит хорошо, в силу большого количества женщин-реконструкторов, а в реконструкции Вермахта он топчется на месте. Хотелось бы эту ситуацию исправить.

После общего сбора солдаты и офицеры враждующих армий делятся на два лагеря и начинается подготовка к сражению. А мы, проводив «своих» на фронт, решаем побродить по местности, где работают интерактивные площадки. Вдоль узкоколейки расположен настоящий музей под открытым небом, где можно познакомиться с полемым бытом солдат обеих армий. Командные штабы,

оборонительные сооружения, санитарные вагоны и кладбища, военная и железнодорожная техника, — всё это можно не только увидеть, но и прикоснуться или заглянуть внутрь.

4. Победа погибшей армии

Самые ожесточённые бои в Новгородской области шли в Мясном бору. Но узкоколейка, необходимая для реконструкции событий весны 1942 года, там не сохранилась — поэтому выбрали посёлок Тёсово-Нетыльский, где дорога выглядит точь-в-точь как военная. Бои в этих местах в основном шли за железную дорогу: немецкие войска пытались её захватить, советские — отстоять. Ведь именно по этому пути шли медикаменты, боеприпасы и продукты для окружённой врагом 2-й ударной армии.

Действие начинается с того, что на станцию прибывает советский взвод. Обратным маршрутом по узкоколейке увезут беженцев — женщин, детей, стариков. В небе появляется немецкий самолёт. На самом деле, самолёт, конечно, современный, спортивный, но все эти условности уже не важны, всё уже началось и всё по-настоящему. Идёт война, советские солдаты обстреливают вражеский самолёт из винтовок — и первые же выстрелы отдаются в сознании чем-то, похожим на воспоминание о войне. Воспоминание, которое у меня быть не может, но сейчас оно кажется мне более живым и ясным, чем многие эпизоды из собственного детства.

Воздух потрескивает от выстрелов, содрогается от взрывов, воздух затянут дымом. В наступление идёт немецкая пехота, начинается перестрелка, кое-где доходит до рукопашного.

И бой ожесточается, и люди ожесточаются в бою. Кто-то падает, понарошку убитый, и остаётся лежать в бесцветной и чахлой прошлогодней траве, сквозь которую уже пробиваются первые цветы мать-и-мачехи. А я пытаюсь глазами отыскать в этом бою «наших» — по обе воюющие стороны.

Советские солдаты ещё держат оборону, но силы уже на исходе. Много потерь, патроны заканчиваются, а со штыком против немецких винтовок не пойдёшь. После нескольких атак вермахта советская оборона сломлена. Защитники станции погибли и она переходит в руки немцев, которым остаётся только дожидаться подкрепления.

И это могло бы быть концом истории, рассказанной в Тёсово-Нетыльском в апреле 2015 года.

Ведь так всё и было 73 года назад — уничтоженная армия, безвозвратные потери, и горечь поражения, и славный подвиг, оплаченный бесславием и забвением.

Пусть так. Но сегодня, сейчас – это не конец. И этот бой за маленькую станцию закончится для красноармейцев победой. Советские подкрепления подойдут раньше, будут свежие силы и тяжёлая техника, будут крики «Вперёд!» и красное знамя на ветру. И все времена станут одним, и советские солдаты, бежавшие в атаку в 1942-м – победят.

*Подземными бункерами,
Среди обломков орудий
Солдаты погибших армий
Блуждают с простреленной грудью.
Переплелись мои корни
В тесной братской могиле,
Скажу им: закончились войны.
Скажу им: вы победили...*

Слова этой песни не выходят у меня из головы. В мире снова апрель, и мы живы, и наша память сильна, мы никого не забыли. Мы – которое уже по счёту послевоенное поколение, но все подвиги, все жертвы той войны проходят через нашу память красной строкой.

5. Бери шинель. Пошли домой

Когда кончается бой, убитые вста-

Фото Ивана Бабынина.

ют, отряхиваются, потягиваются после долгой неподвижности. Смеясь, делятся воспоминаниями о смерти – кто-то был застрелен, кто-то убит в рукопашном, кто-то, упав навзничь,

до конца боя был вынужден смотреть в небо и теперь просит других рассказать, что случилось после его гибели. Цветёт мать-и-мачеха. И все живы.

Сразу же после реконструкции ростовчане уезжают домой. От Новгорода до Ростова-на-Дону автобусом – сутки пути. Стоили ли эти несколько часов в Тёсово-Нетыльском того, чтобы проделать такой путь?

– Расстояние не имеет значения! – Уверенно говорит Павел Боярский. – Мы ездили на реконструкции в Киев, Одессу, Брест, Северодвинск, Санкт-Петербург, так что это ещё не самое большое расстояние. Главное – значимость реконструируемого события. А трагическая судьба 2-й Ударной армии – армии, которая выполнила приказ и была совершенно необоснованно предана забвению – не может оставлять нас равнодушными.

Мы побывали на Новгородской земле впервые, и у всех осталось желание приехать ещё! Очень благодарны и организаторам мероприятия, и зрителям. Надеюсь, участие в этом фестивале для нас станет традиционным.

Справка

Мероприятие проходило при поддержке Российского военно-исторического общества, администрации Тёсово-Нетыльского городского поселения, комитета по туризму департамента культуры и туризма Новгородской области, Северо-Западного регионального отделения Российского союза туристической индустрии, торфопредприятия «Тёсово-1» и поисковой экспедиции «Долина».

За те три года, что существует «Забывтый подвиг», фестиваль вырос с полупрофессиональной реконструкции в полномасштабное событие федерального масштаба.

Это подтверждает и состав участни-

ков, и объёмы подготовки, и задействованные технические мощности, и поддержка авторитетных общественных организаций, и многое другое.

В этом роде это – единственное такое мероприятие на территории России. Уникальность фестиваля ещё и в том, что он единственный в России, где массово применяется узкоколейная железная дорога, которых в нашей стране почти не осталась.

В 2015 году по решению конкурсной комиссии Российского военно-исторического общества фестиваль «Забывтый подвиг» вошёл в топ-10 лучших военно-исторических мероприятий России.

Они уехали. А у нас остались на память несколько фотографий, где мы вместе – вермахт, РККА, гражданские. И в середине я, взявшая под руку советского солдата с одной стороны, немецкого – с другой.

Дарья Перевая

Автор фото Николай Велицкий

СОХРАНИТЬ ПАМЯТЬ

Патриотическое воспитание рассматривается нами как систематическая и целенаправленная педагогическая деятельность по формированию у учащихся патриотического сознания, чувства верности своему Отечеству, любви к своей малой Родине, стремления к выполнению своего гражданского долга.

В своей школе мы создаём систему воспитательной работы, в которой, наряду с уроками, используются другие формы обучения и воспитания, коллективной и индивидуальной деятельности учащихся, ориентированной на развитие их гражданско-патриотической активности.

Традиционно вместе жителями микрорайона, членами Совета ветеранов города и Новгородской области, организации «Дети фронтовиков войны, погибших и пропавших без вести» участвуем в праздниках – День Победы, День освобождения Новгорода, День Военно-морского флота, День Военно-воздушного флота.

Особое место занимает «День улицы Ивана Терентьевича Коровникова». Около школы создаётся концертная площадка, проходят спортивные соревнования школ города, юные артисты представляют литературно-музыкальные композиции, посвященные истории 59-й армии и биографии командарма.

Усилиями учащихся, педагогов, родителей в школе создан музей «Западный микрорайон в веках истории». Он стал местом живого общения поколений, где встречаются ученики школы и ветераны войны и труда, живущие в нашем микрорайоне.

Здесь представлены экспозиции «История микрорайона», «Они сражались за Родину» (воинская судьба ветеранов микрорайона), «Герои на-

шего времени» (воинская судьба участников Чеченской и Афганской кампаний), «Боевой путь 59-й армии».

На базе музея проводим мероприятия, призванные расширить область знаний об армии.

Экспонаты музея появились различными путями: одни были найдены ребятами во время летнего отдыха, другие переданы жителями Западного микрорайона.

Почти в каждой семье есть вещи, которые хранят особенно бережно, поскольку они напоминают о близких родственниках или важных событиях жизни. И мы испытываем особую благодарность к тем, кто доверил нам важные для их семейной истории вещи.

Ещё один источник пополнения музея - исследовательская деятельность учащихся, их проекты: «Интересный человек моей семьи», «Заглянем в бабушкин сундук», «История одной фотографии», «Война глазами ребёнка».

Первые исследования, поступившие в музей, касались истории микрорайона и нашей улицы: «Виртуальная экскурсия по Западному микрорайону», «Улица героя – Ивана Коровникова».

Два года назад мы начали создавать экспозицию «Боевой путь 59-й армии» и в феврале 2014 года её торжественно открыли.

Здесь прошла презентация книги «Иван Коровников - командарм» и появилась традиция ежегодного проведения Дня Командарма. К празднику в школе проводим спортивные состязания школ города на кубок Командарма, организуем встречи с ветеранами войны на спектаклях, подготовленных силами школы.

В День Командарма этого года проведена первая ученическая историко-краеведческая конференция

Наша школа располагается в уникальном месте, на улице, которая носит имя генерал-полковника Ивана Терентьевича Коровникова, командующего 59-й армией, освободившей Новгород в январе 1944 года, Почетного гражданина нашего города. Поэтому понятно наше стремление связать свою работу по патриотическому воспитанию с его именем.

«Память сердца», где выступили юные исследователи из школьных музеев города с докладами о воинской судьбе соединений, входящих в состав 59-й армии. Открылась конференция прослушиванием уникальной записи - рассказом Ивана Терентьевича Коровникова об освобождении Новгорода.

Главной задачей сегодня мы считаем создание сборника наших исследовательских материалов, в котором будет подробно рассказано о событиях Великой Отечественной войны, с которыми связана история 59-й армии.

Это очень большая работа, мы надеемся найти единомышленников среди студентов НовГУ, с которым мы сотрудничаем, учеников школ города и области, а может и других областей. Приглашаем к сотрудничеству всех, кто неравнодушен к истории родного города.

С.В. Белканова,
директор
школы-комплекса № 33
имени генерал-полковника
Ивана Терентьевича Коровникова

*Живи, великих предков город,
Москве старинная родня!
Прохлада каменных соборов
от гулких стен шла на меня...*

Степан Щипачёв

Людская память вечно помнит милых
Отцов, мужей, любимых, сыновей,
Забуть она солдат войны не в силах,
Что жизнь отдали Родине своей.

В День Победы, в день освобождения Новгорода, в час встречи с ветераном, в день акции
«Бессмертный полк» - наш университет участвует не формально, но от всего сердца:
в каждой нашей семье есть ветераны и свидетели Великой Отечественной войны...

Ровесники сегодняшних студентов -
бойцы Волховского фронта
сооружают противотанковые препятствия.

Останется память живая у нас,
у потомков той страшной войны!

В 2014 году в НовГУ
была открыта Памятная доска
ветеранов Великой
Отечественной войны.

Празднование 65-й годовщины Победы.

Мясной Бор - вечная боль
Новгородчины.

Мы бережём мир, завоёванный
нашими дедами и прадедами!

